



Н. П. Тузич

ДОМ-МУЗЕЙ
Л. Н. ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ
ПОЛЯНЕ



*Л. Н. Толстой в зале яснополянского дома.
Фотография О. Ренара. 1909 г.*



Н. П. Тузин

ДОМ-МУЗЕЙ
Л. Н. ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ
ПОЛЯНЕ



ОЧЕРК • ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Издание десятое, дополненное

© Издательство «Советская Россия», 1976 г., оформление.



сная Поляна! Как много говорит это название сердцу каждого русского человека и как близко оно прогрессивно мыслящим людям всего мира.

Ясная Поляна — место жизни, творчества и деятельности гениального писателя Льва Николаевича Толстого. Здесь он родился 28 августа 1828 года и прожил свыше пятидесяти лет — большую часть своей жизни. Здесь же, в лесу — «Старом Заказе», на краю оврага, под сенью деревьев, находится и его могила. В Ясной Поляне Толстым были задуманы и написаны многие из его бессмертных произведений. Впечатления яснополянцкой усадебной жизни и природы дали богатейший материал для творческой мысли писателя и получили многообразное отражение в его произведениях. Постоянное общение с местными и окрестными крестьянами было для Толстого источником глубокого знания народной жизни, позволило ему хорошо понять страдания и думы угнетенного самодержавным строем народа. Его жизнь человека и писателя пробуждала в сердцах людей лучшие чувства и стремления к правде, добру и справедливости. Отсюда на протяжении десятков лет, говоря словами А. М. Горького, «звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и всё; он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как и вся остальная наша литература»¹.

Толстой был свидетелем и участником многих важнейших исторических событий своей эпохи. При его жизни совершилась первая русская революция 1905 года.

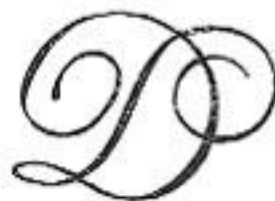
В своих художественных и публицистических произведениях Толстой дал неповторимые картины русской жизни, которые, по словам В. И. Ленина, «принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы»². О национальном величии и мировом значении Толстого В. И. Ленин писал: «...Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества»³.

¹ М. Горький. История русской литературы. М., ГИХЛ, 1939, стр. 295.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 39—40.

³ Там же, стр. 19—20.

ИЗ ИСТОРИИ ДОМА



орогим для советских людей памятником является сохранившийся Дом-музей Л. Н. Толстого. Как при первом, так и при многократном посещении Ясной Поляны дом Толстого со всей обстановкой производит глубокое впечатление своей простотой и значительностью. Многие предметы, находящиеся в этом доме, упомянуты в художественных произведениях гениального русского писателя.

После возвращения в 1856 году из Петербурга в Ясную Поляну Л. Н. Толстой поселился в одном из двух флигелей (в северо-восточном), построенных в первой четверти XIX века дедом Толстого Н. С. Волконским. Внешне этот флигель имел такую же архитектуру, как сохранившийся без всяких изменений другой флигель, ныне Литературный музей. Большого яснополянского дома, в котором родился и провел детские годы Толстой, уже не было, так как он был продан в 1854 году.

По мере увеличения семьи Толстого в разное время к флигелю были сделаны пристройки. Первая деревянная нештукатуренная пристройка с правой стороны флигеля, выходящая в парк «Клины», была сделана в 1866 году.

«Для пристройки,— пишет С. А. Толстая,— привезли упраздненный кабак¹, просто избу, прибавили ее и выстроили к саду две комнаты, из которых служила одна тогда Льву Николаевичу рабочим кабинетом. Посреди комнаты была зачем-то белая колонна, а над пристройкой, наверху, была сделана довольно просторная терраса, на которой мы обедали и вообще проводили время летом»².

В упомянутом Софьей Андреевной кабинете Толстой продолжал писать свой роман «Война и мир», начатый в «комнате под сводами».

«Когда Лев Николаевич описал сцену охоты Ростовых,— вспоминает Софья Андреевна,— и я зачем-то пришла к нему, вниз, в его кабинет, устроенный им в новой пристройке внизу, он весь сиял счастьем. Видно

¹ Строительным материалом для пристройки послужила большая изба упраздненного кабака, стоявшая на шоссе, недалеко от места, где в настоящее время находится здание средней школы им. Л. Н. Толстого, на так называемой «Кабачьей горе».

² С. А. Толстая. Моя жизнь (машинопись). Музей-усадьба Ясная Поляна, стр. 216.



Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

было, что он вполне был доволен своей работой, хотя это бывало редко. Но работа и утомляла его. Иногда нервы его так ослабевали, что, читая мне некоторые места вслух, он не мог продолжать и плакал»¹.

В другой комнате помещалась девичья (комната для женской прислуги).

Зимой 1870 года С. А. Толстая просила мужа сделать еще пристройку к дому. В конце 1871 года с левой стороны флигеля была выстроена под наблюдением самого Толстого и тульского архитектора Гурьева фундаментальная кирпичная пристройка. В верхнем этаже ее были устроены большой зал с шестью окнами по три на обе стороны, а в нижнем — передняя, нижний кабинет, или нижняя библиотека.

¹ С. А. Толстая. Моя жизнь (машинопись). Музей-усадьба Ясная Поляна, стр. 229.

В письме к А. А. Фету от 20 февраля 1872 года Толстой писал: «...дом вы наш не узнаете: мы всю зиму уж пользуемся новой пристройкой»¹.

В конце 1893 года деревянная пристройка (1866 г.) с верхней крытой террасой, пришедшая в ветхость, была разобрана, и на ее месте, как пишет С. А. Толстая, она «по просьбе в то время незамужних дочерей Тани и Маши затеяла пристраивать в Ясной Поляне дом с противоположной стороны от зала»². Строительные работы проходили успешно под наблюдением архитектора из Тулы и шурина Толстого В. А. Берса. С. А. Толстая сообщила 12 июля 1894 г. в неопубликованном письме к сестре: «Постройка моя подвигается, начали второй этаж и теперь скоро и кончат черновую работу деревянную, тогда будут делать полы, потолки, рамы, двери. На будущий год будут кирпичом обкладывать и штукатурить. Выходит очень хорошо, большие такие комнаты»³.

Все работы были закончены в конце 1894 г. Новая пристройка, симметричная пристройке 1871 года, сделана из толстых сосновых бревен, облицованных кирпичом. Она состоит из четырех комнат, по две в каждом этаже, нижнего и верхнего коридоров.

Известная по многим фотографиям крытая большая терраса с противоположной, юго-западной стороны построена в 1892 г.

В летние месяцы вся жизнь семьи Толстых переносилась сюда. Здесь обедали, пили чай; здесь побывало много разных посетителей, приезжавших к Толстому, в том числе В. Г. Короленко, А. П. Чехов, И. И. Мечников, В. В. Стасов, И. Е. Репин и другие.

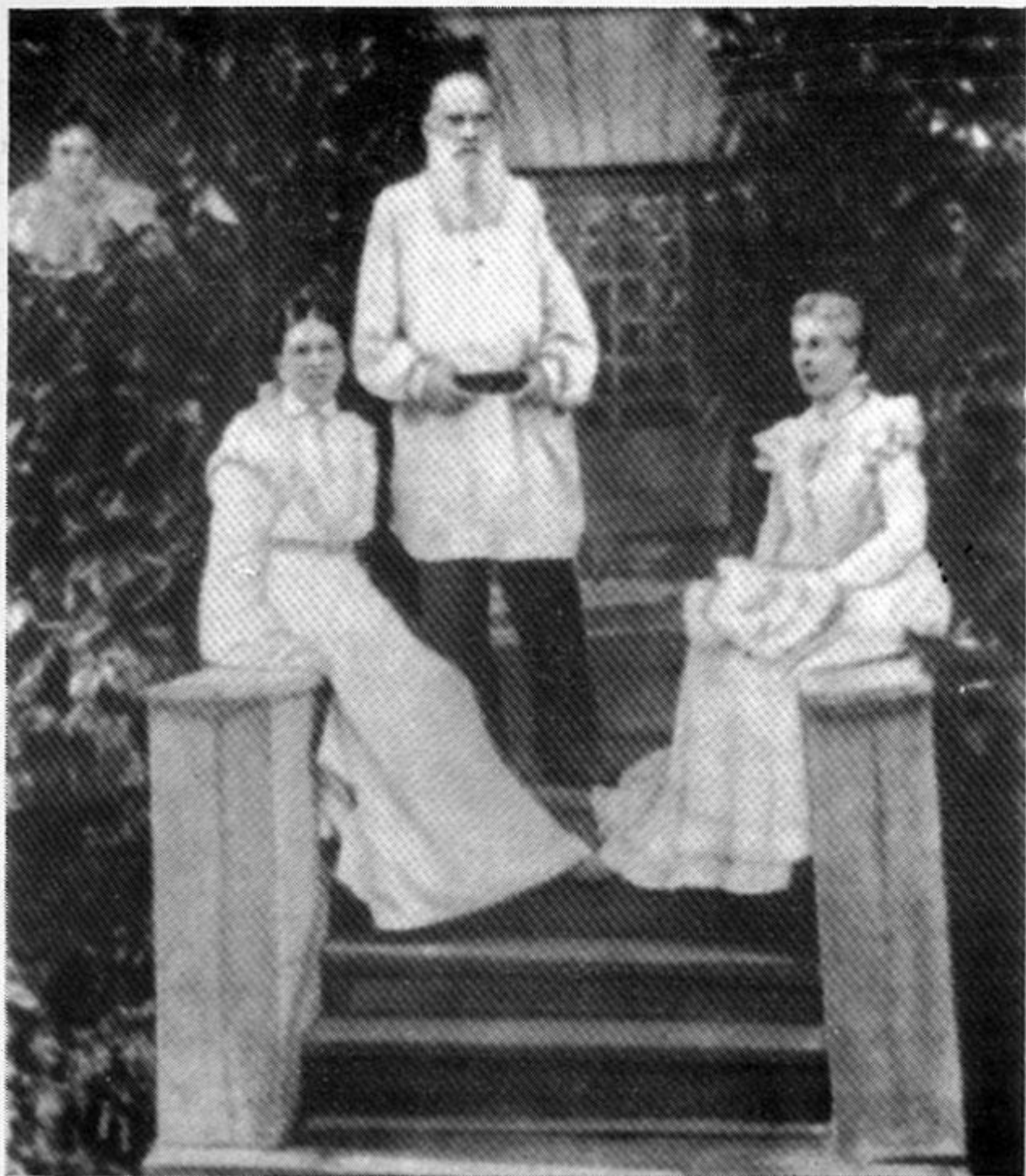
В первом действии во многом автобиографической драмы «И свет во тьме светит» упомянута крытая терраса, перед ней цветники, лаунтеннис, крокет-граунд, так же, как в Ясной Поляне.

В Литературном музее хранится кадр из кинофильма, изображающий М. И. Калинина и С. А. Толстую, сидящих за чайным столом на этой террасе во время посещения М. И. Калининым Ясной Поляны в 1919 г. незадолго до смерти С. А. Толстой. Еще при жизни Толстого терраса была обвита густо разросшимся диким виноградом и, по воспоминаниям совре-

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. (юб.), т. 61, стр. 271. В дальнейшем все ссылки на это издание.

² С. А. Толстая. Моя жизнь (машинопись). Музей-усадьба Ясная Поляна, стр. 1—2.

³ Письмо С. А. Толстой Т. А. Кузминской. ГМТ., рукоп. отд., архив Т. А. Кузминской.



*Л. Н. Толстой, Т. Л. Толстая, С. А. Толстая
и Т. А. Кузминская в Ясной Поляне. 1898 г.*

менников Л. Н. Толстого, в этой зеленой стене приходилось проделывать как бы три окна для света.

Интересны балясины этой террасы и крыльца парадного подъезда, всегда привлекающие внимание экскурсантов¹.

Дом снаружи оштукатурен и окрашен белой краской. Полы во всем доме из некрашеных сосновых досок, за исключением зала (паркет). Крыша железная, окрашена зеленой краской.

С северо-западной стороны к дому примыкает соединяющаяся с ним внутренней дверью небольшая узкая деревянная оштукатуренная пристройка (бывшая кладовая). От нее отходит невысокая кирпичная стена с заостренным верхом, в середине которой имеется проезд во двор.

Так постепенно создавался яснополянский дом, именовавшийся в семье Толстых «большим домом». В нем Толстой прожил около пятидесяти лет своей сложной, богатой внешними событиями и внутренними переживаниями жизни. В этом же доме были написаны многие из его бессмертных произведений.

После Великой Октябрьской социалистической революции Музей-усадьба Ясная Поляна был окружен исключительным вниманием и заботой Советского правительства. В Ясной Поляне создан один из крупнейших мемориальных музеев мира.

10 июня 1921 года постановлением Президиума ВЦИК Ясная Поляна была объявлена государственным заповедником. Согласно постановлению «Дом-музей со всей его обстановкой» сохраняется в том виде, в каком он был в последний год жизни в нем Л. Н. Толстого.

В ознаменование столетнего юбилея со дня рождения Толстого весь дом был превращен в музей, произведена реставрация отдельных комнат и экспонатов, приведена в полный порядок яснополянская библиотека, составлен каталог и проведен учет всех книг.

По постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 27 августа 1939 г. все музеи Л. Н. Толстого были переданы в ведение Института мировой литературы Академии наук СССР, а в 1956 г. — в Министерство культуры РСФСР.

¹ Балясины террасы и крыльца представляют собой довольно широкие дощечки с прорезанными в них фигурками лошадок, мальчиков и петушков, которые сделаны по эскизу художника Н. А. Философова.



Терраса яснополянского дома.

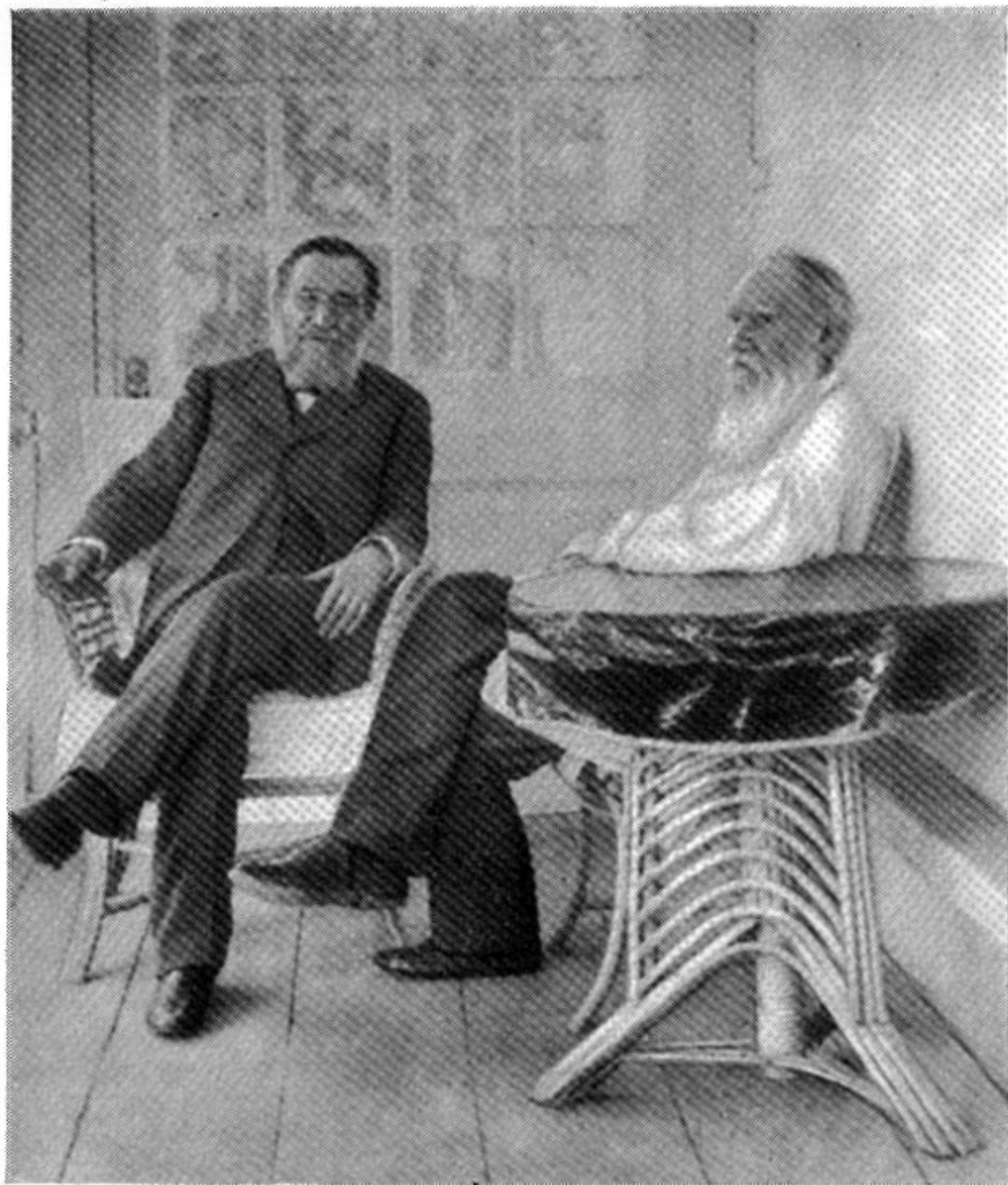
29 октября 1941 года в Ясную Поляну, эту святыню русской и мировой культуры, ворвались фашистские вандалы-громилы.

Дом-музей был превращен гитлеровскими солдатами и офицерами в казарму. Они уничтожили и похитили разные музейные вещи (из числа неэвакуированных). К счастью, из Ясной Поляны было вывезено в г. Томск большинство ценных экспонатов (библиотека Толстого, его письменный стол, произведения искусства, фотографии, предметы быта).

В последний день пребывания в Ясной Поляне в звериной злобе к русскому народу и его культуре гитлеровцы пытались совершить чудовищное злодеяние — уничтожить дом Л. Н. Толстого. Они разложили костры в трех комнатах верхнего этажа.

Героическими усилиями сотрудников Музея-усадьбы Ясная Поляна пожар был потушен. Только стремительное наступление Советской Армии спасло музей от полного уничтожения.

После освобождения Советской Армией Ясной Поляны, в тяжелых



*Л. Н. Толстой и И. И. Мечников на террасе ясно-
полянського дома. Фотографія С. А. Толстой.
1909 г.*

условиях первой военной зимы в Музее-усадьбе тотчас же начались восстановительные и реставрационные работы. В конце мая все работы были закончены. Из вещей, не отправленных в эвакуацию, была организована экспозиция, и 24 мая 1942 года Музей-усадьба — памятник величайшей ценности, являющийся гордостью всего культурного человечества, — снова открыл свои двери для сотен тысяч людей Советской страны и всего мира, которые хотят познакомиться с жизнью и творчеством гениального русского писателя.

В мае 1945 года, когда в полной сохранности вернулись из эвакуации все ценности, была восстановлена в прежнем виде вся экспозиция Дома-музея.

ПЕРЕДНЯЯ



Когда мы переступаем порог яснополянского дома, мы видим уже в передней бе-

резовые желтые шкафы, наполненные книгами на многих языках и самого различного содержания. Книги нас встретили и будут сопровождать по всему дому. Их обилие и разнообразие говорят о напряженной умственной жизни, о широте духовных интересов Толстого. Особой драгоценностью являются книги, носящие следы чтения Толстого, — его пометки.

У двери в коридор висит большая черная кожаная сумка, в которой ежедневно привозилась почта со станции Козлова Засека (ныне ст. Ясная Поляна): газеты, журналы и обильная корреспонденция Толстого, которая в последний год его жизни, в 1910 году, достигала 20—25 писем в день.

В шкафу у печки хранятся ружья и охотничьи принадлежности Толстого — свидетельство его страстного увлечения охотой, особенно в молодые годы. Но и в старости охотничья страсть не угасала в нем. «Когда во время прогулки, весной, — вспоминает его сын Илья Львович, — он слышал свист и хорканье вальдшнепа, он прерывал начатый разговор, подымал голову кверху и, с волнением хватая своего собеседника за руку, говорил: «Слушайте, слушайте, — вальдшнеп, вот он»¹.

¹ И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., «Худож. лит.», 1969, стр. 106.

В ряде художественных произведений Толстой дал описание охоты («Детство», «Война и мир», «Анна Каренина», «Охота пуще неволи» и другие).

А. М. Горький в своих воспоминаниях о В. И. Ленине пишет, что однажды, зайдя к В. И. Ленину, увидел у него на столе том «Войны и мира».

«— Да, Толстой. Захотелось прочесть сцену охоты...» — и Ленин сразу же заговорил о Толстом:

«— Какая глыба, а? Какой матерый человечине! Вот это, батенька, художник... И,— знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого»¹.

Направо от входной двери — маленькая комната, служившая помещением для прислуги, а налево из передней лестница, ведущая на второй этаж, на площадку с четырьмя дверями: в зал, гостиную, библиотеку и на чердак.

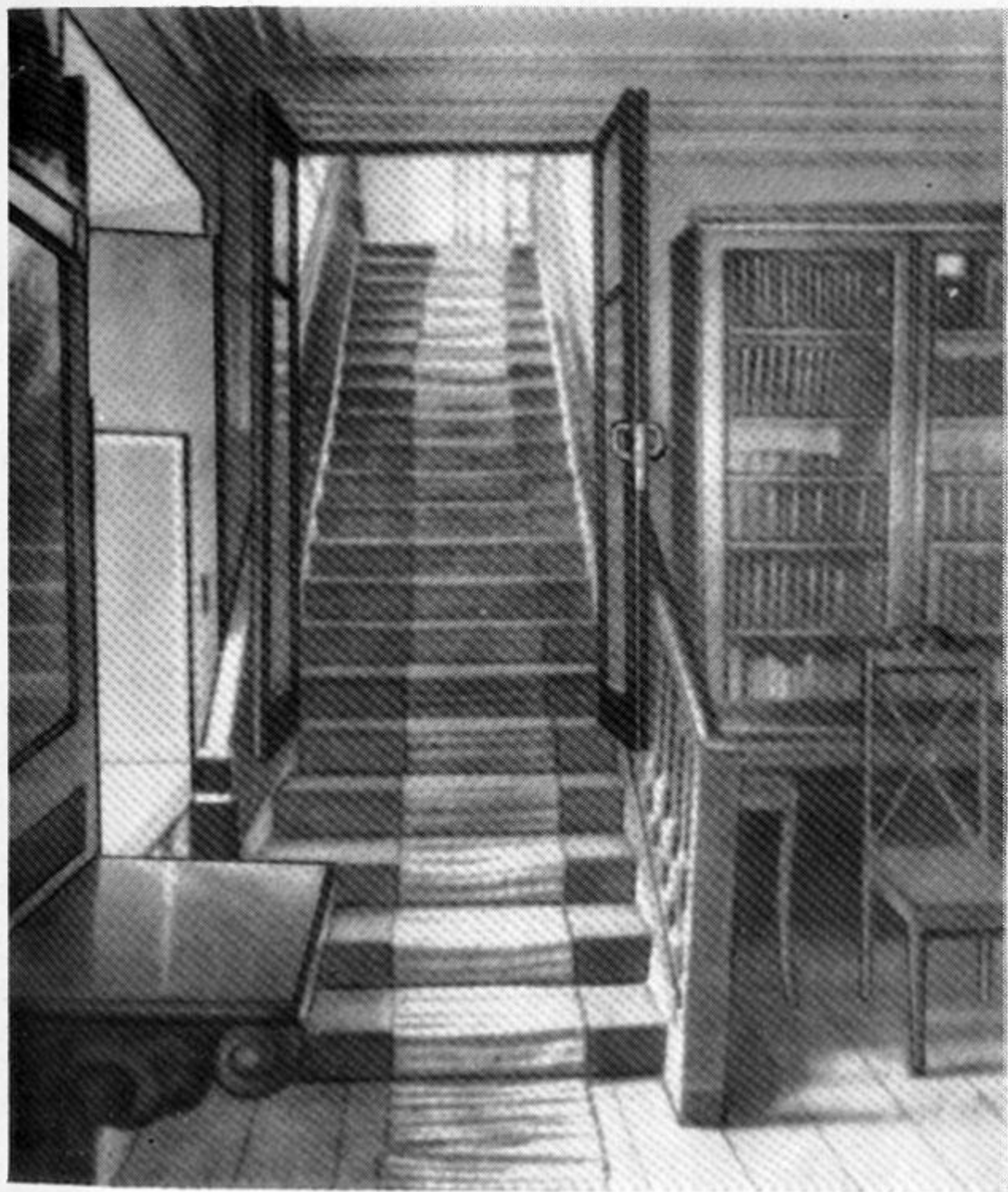
На верхней площадке лестницы из вещей обращают внимание стоящие против лестницы (слева) старинные часы XVIII века в футляре красного дерева в форме башенки. По семейным преданиям, эти часы были куплены дедом Л. Н. Толстого Н. С. Волконским. Часы ходят и теперь; у них красивый бой, они показывают не только часы, минуты, секунды, но и числа месяца.

Здесь же стоят два шкафа, один книжный, другой с посудой, и больничное кресло, которое было выписано из Москвы в Крым во время тяжелой болезни Толстого (1901—1902 гг.). В те дни, когда Толстой встречал свой 80-летний юбилей в Ясной Поляне в 1908 г., он также пользовался этим креслом, так как у него в это время было растяжение связок на ноге.

По вечерам лестница освещалась керосиновой лампой. На верхней площадке Толстой иногда встречал и провожал гостей.

На стене висят портреты работы неизвестных художников XVIII—

¹ М. Горький. Собр. соч., т. XXII. М.—Л., ОГИЗ, 1933, стр. 215—216.



Лестница на второй этаж из передней.

XIX веков (масло). Над дверью в гостиную в золоченой лепной раме, как можно предполагать, — портрет писателя М. М. Хераскова (1733—1807 гг.).

Слева в овальной раме — портрет генерала от инфантерии С. Ф. Голицына (1749—1810 гг.), близкого знакомого деда Толстого Н. С. Волконского¹. Справа над дверью — портрет А. А. Волконского (1784—1832 гг.) — двоюродного брата матери Л. Н. Толстого.

ЗАЛ

Заправо дверь с площадки ведет в зал — так при жизни Толстых называлась эта

комната, самая большая в доме. Здесь ежедневно собиралась семья Толстого, гости, посетители Ясной Поляны. Она служила одновременно и столовой, и местом сборов и развлечений молодежи, и серьезных глубоких бесед.

«В Ясной Поляне... — писал М. В. Нестеров, — все клокотало около Льва Толстого, — он собой, своим духовным богатством, великим своим талантом, помимо воли, одарял всех, кто соприкасался с ним»².

В этой комнате при жизни Толстого звучали голоса писателей И. С. Тургенева, А. А. Фета, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, А. М. Горького, В. В. Стасова; художников И. Н. Крамского, И. Е. Репина, Н. Н. Ге, М. В. Нестерова, Л. О. Пастернака; революционера-народника, шлиссельбуржца Н. А. Морозова; профессора И. И. Мечникова; композиторов С. И. Танеева, А. С. Аренского и многих, многих других деятелей науки, искусства, общественной мысли, политических деятелей, рабочих, крестьян, студенчества. В гостях у Толстого также бывали представители из стран Европы, Азии, Америки, специально приезжающие в Россию,

¹ Из числа копий портретной галереи Голицыных, переданных С. Ф. Голицыным Н. С. Волконскому. См.: П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. 1. М.—Л., ГИЗ, 1923, стр. 9.

² М. В. Нестеров. Давние дни. Встречи и воспоминания. М., «Искусство», 1959, стр. 286.



Общий вид зала.

чтобы посетить его в Ясной Поляне. Здесь происходили задумчивые беседы, а порой возникали горячие споры по самым разнообразным вопросам.

Центром происходивших бесед неизменно бывал всегда Л. Н. Толстой. «Надо было видеть, — вспоминает А. М. Горький, — как он говорит, чтоб понять особенную, невыразимую красоту его речи, как будто неправильной, избыточной повторениями одних и тех же слов, насыщенной деревенской простотой. Сила слов его была не только в интонации, не в трепете лица, а в игре и блеске глаз, самых красноречивых, какие я видел когда-либо. У Л. Н. была тысяча глаз в одной паре»¹.

В зале яснополянского дома 30 декабря 1889 года состоялось первое представление комедии «Плоды просвещения». Этот домашний спектакль возник по инициативе старшей дочери Толстого Татьяны Львовны. В нем участвовали молодые члены семьи и яснополянские друзья, приехавшие специально к этому дню из Москвы и Тулы.

«У нас все это время страшная суета, — писал Толстой. — Хотели играть спектакль и взяли мою пьесу, которую я и стал поправлять и немножко исправил. И вчера ее играли здесь. Суета, народу, расходу ужас. Делали с спокойной совестью в усиленной мере то самое, что осмеивается комедией. Маша играла кухарку необыкновенно хорошо...»².

В зале, как и во всем доме, поражает своеобразие и скромность обстановки. Многочисленные бытовые предметы накладывают как на эту

¹ М. Горький. Собр. соч., т. XXII. М.—Л., ОГИЗ, 1933, стр. 78—79.

² Л. Н. Толстой, т. 64, стр. 348.

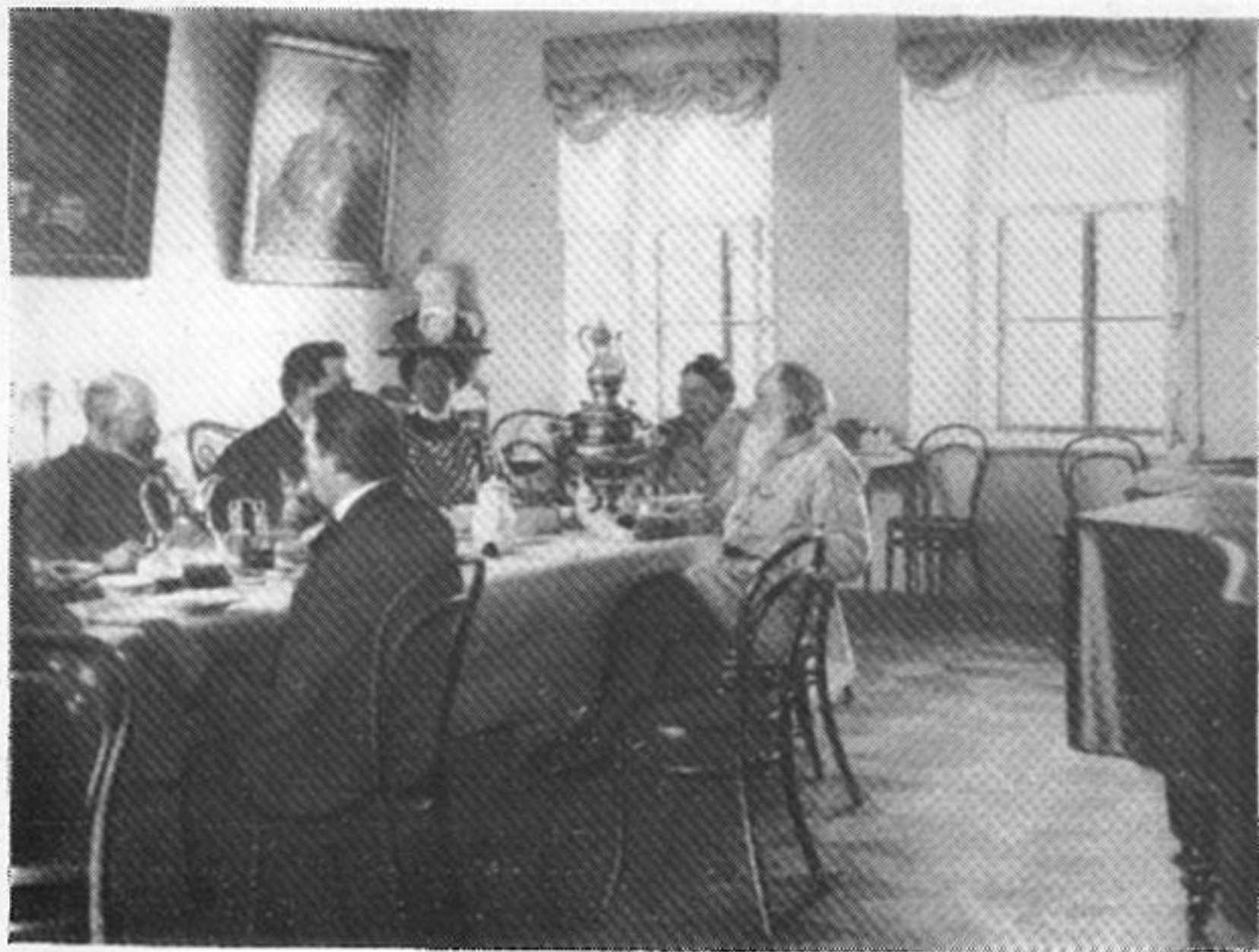


*Л. Н. Толстой в кругу семьи
в Яснополянском зале. 1887 г.*

комнату, так и на другие комнаты дома отпечаток теплоты и уюта. Здесь нет мебели определенного стиля, нет роскоши, столь характерных для многих барских домов.

Многие предметы переходили из поколения в поколение, накапливались здесь в течение десятилетий. Рядом с обычными для усадебного дома фамильными портретами в тяжелых золоченых рамах, рядом со старинными зеркалами в резных рамах первой половины XVIII века и мебелью красного дерева мы видим скромные фабричные венские стулья, простые столы работы домашних столяров, обитую клеенкой кушетку.

Фамильные портреты, стильная мебель красного дерева, ломберные



*Л. Н. Толстой, С. А. Толстая, Д. П. Маковицкий,
Джером Реймонд, его жена и С. М. Прокудин-
Горский в Ясной Поляне. 1908 г. Фотография
П. Е. Кулакова.*

столы с инкрустацией, подсвечники, удобные старинные кресла являются остатками обстановки старого, ныне не существующего яснополянского дома, в котором Толстой родился и провел детские годы. Эти предметы были связаны у Толстого с далеким прошлым. От них,— писал он в «Семейном счастье»,— «пахло хорошими семейными воспоминаниями», о них, как деталях бытовой обстановки, писатель говорит в ряде своих ранних произведений и в «Воспоминаниях».

«Уже смеркалось,— пишет Толстой в «Детстве»,— когда мы приехали домой. Маман села за рояль, а мы, дети, принесли бумаги, карандаши, краски и расположились рисовать около круглого стола... Я так испачкал

всю бумагу синей краской, что с досады разорвал ее и пошел дремать на вольтеровское кресло» (гл. XI). Круглый стол, вольтеровское кресло, зеркала в резных рамах с мраморными подзеркальниками и другая мебель из старого дома до сих пор сохраняются в доме-музее¹.

В последние годы своей жизни Л. Н. Толстой тяготился барским укладом яснополянской жизни, но был бессилён изменить его в связи с нежеланием семьи, особенно жены, отказаться от собственности. «...Кричу от боли,— записывает он в дневнике от 26 июля 1896 года.— Запутался, завяз, сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь»². А за год до смерти Толстой писал: «Мучительна мне эта безумная (больше чем безумная, рядом с бедностью на деревне) жизнь, среди которой, уже сам не знаю как, обречен доживать»³. И вот в темную холодную осеннюю ночь 28 октября 1910 года Толстой навсегда покинул Ясную Поляну, так как более не мог оставаться в «условиях роскоши, в которых жил...»

В зале на прежнем месте стоит большой обеденный стол, за которым ежедневно собирались семья, гости. В 9 часов утра пили кофе, в 1 час дня завтракали, в 6 часов обедали и в 9 часов вечера пили чай. «За столом обыкновенно велся общий разговор,— вспоминает секретарь Толстого Н. Н. Гусев,— приезжие гости рассказывали какие-либо московские или петербургские новости»⁴. Во главе стола на месте хозяйки сидела С. А. Толстая, по правую руку от нее в желтом венском кресле во время обеда сидел Толстой.

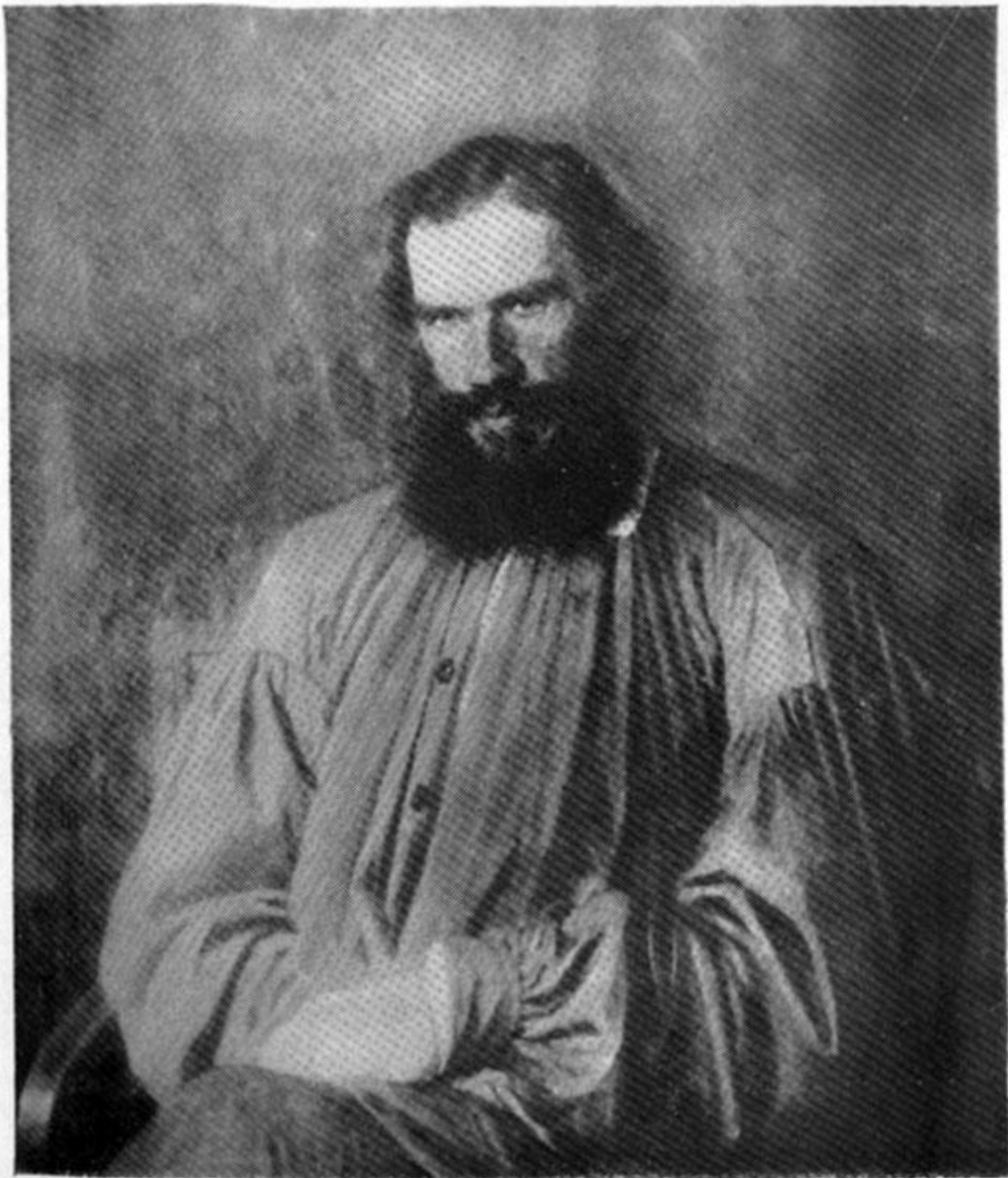
Вернувшись с другом и домашним врачом Д. П. Маковицким из соседней деревни, под впечатлением крестьянской нищеты, в которой живет окружающее крестьянство, Толстой пишет: «Очень странно мне после этого садиться за наш обед с 12 серебряными приборами, двумя слугами, полуторарублевыми розами, стоящими на столе, и разговорами о превосходстве той или другой музыки, о уместности или неуместности речи министра и члена Думы, о страшной невралгии гр. А. и горести княгини

¹ «В углу залы большой круглый стол красного дерева, принадлежал семье Толстых, стоял в большом проданном доме». С. А. Толстая. Опись 1918 г., лист 10, запись 17. Архив Музея-усадьбы Ясная Поляна.

² Л. Н. Толстой, т. 53, стр. 102.

³ Там же, т. 57, стр. 45.

⁴ Лев Николаевич Толстой. Юб. сборник. М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 258—259.



*Л. Н. Толстой. Портрет работы И. И. Крамского.
1873 г. Масло.*



Л. Н. Толстой и И. Е. Репин в зале яснополянского дома. Фотография С. А. Толстой. 1908 г.

Б., о смерти своего отца и о преимуществе гимназического воспитания перед институтским. Страшно, скучно и возмутительно и стыдно»¹.

В 1908—1910 гг. Толстой завтракал отдельно от остальных членов семьи и домашних, выходя из своего кабинета в зал в начале третьего часа дня. «Не раз приходилось мне,— вспоминает Н. Н. Гусев,— в это время замечать на его лице следы еще не закончившейся творческой деятельности. Он ел, быстро пережевывая пищу, а глаза были устремлены куда-то вдаль, как будто он всматривался во что-то, что он один только видел...

¹ Л. Н. Толстой, т. 38, стр. 359.

Быстро позавтракав и поговорив с посетителями, если таковые были, Лев Николаевич отправлялся пешком или верхом на прогулку... В последний период жизни, уже без собаки и ружья, а на своем любимом Делире или просто пешком исхаживал Лев Николаевич по всем направлениям «засеку», так же, как и раньше, в общении с природой обдумывая свои художественные произведения, статьи, письма, отдельные мысли и пр. Иногда, сидя на лошади, он вынимал из кармана записную книжку и, останавливая лошадь, а иногда и на ходу, записывал те мысли и образы, которые внезапно появлялись перед его творческим взором»¹.

В левом углу зала стоят большой круглый стол красного дерева, диван и кресла. На столе лампа под большим бумажным плиссированным абажуром, чернильница, карты и пр. В этом уютном уголке по вечерам собирались семья, гости, велись душевные беседы, иногда Толстой или кто-либо из близких читал, домашние занимались рукоделием. Один из таких моментов яснополянской жизни запечатлел художник Л. О. Пастернак на своей картине «Толстой в кругу семьи». Эта картина, как и воспоминания П. А. Сергеенко, рисует нам уют семейной жизни в доме Толстых. «Стало вечереть. На чайный стол подали свечи. На другой стол, круглый, стоящий в углу, поставили лампу с абажуром. Софья Андреевна разложила для сушки отпечатанные ею фотографические снимки, которые она сделала днем, затем взяла в руки шитье и присела к круглому столу, низко наклонив лицо к работе... Большой зал с темными квадратами старинных портретов тонет в полусвете...»².

В начале августа 1895 г. Толстой читал здесь небольшому кругу лиц — своим домашним и гостям — главы из не законченного тогда романа «Воскресение». Живший в то лето в Ясной Поляне композитор С. И. Танеев передает в дневнике подробности этого чтения: «6-го и 7-го августа Лев Николаевич читал всем новый роман «Воскресение». Началось чтение 6-го в воскресенье, в 8 часов вечера, после ужина, продолжалось до часу ночи. Л. Н. читал тихим голосом, очень взволнованным, передавая по временам рукопись Татьяне Львовне, которая его сменяла. В первый день

¹ Лев Николаевич Толстой. Юб. сборник. М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 257—258.

² П. Сергеенко. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. Изд. 2-е. М., 1908, стр. 139.

прочитано было до окончания сцены в суде. После чтения за ужином и после него, начались жаркие споры...»¹.

В противоположном углу зала стоят венские желтые кресла, два таких же дивана и круглый стол. Это «уголок молодежи». Здесь нередко можно было слышать смех, шутки, игру на балалайке, мандолине. Толстой «любил шутки, смех, охотно слушал веселые безобидные рассказы и сам смеялся тихим, но заразительным смехом»².

По вечерам Толстой любил играть в шахматы. Это занятие давало ему отдых от обычного умственного напряжения и утомления. Шахматы остались его любимой игрой от молодых лет до глубокой старости. Стоящий в зале шахматный столик напомним нам о том, что здесь Толстой играл в шахматы с Тургеневым, Урусовым, Сухотиным, Танеевым, Гольденвейзером, Чертковым и другими. По свидетельству А. Б. Гольденвейзера, «Лев Николаевич утверждал, что шахматы не утомляют его, что они, как это ни странно, являются лучшим для него умственным отдыхом: он объяснял это тем, что шахматы занимают, по-видимому, совсем другие мозговые центры, чем те, которые утомлены его предшествовавшей умственной работой»³.

Против входа в зал висят портреты Толстого и членов его семьи, написанные в различные годы русскими художниками XIX—XX веков.

И. Н. Крамской является первым из живописцев, который создал бессмертный образ гениального писателя в эпоху создания «Анны Карениной».

Художник одновременно писал два портрета. Один находится в Государственной Третьяковской галерее, а другой, который был выбран Толстым, в Яснополянском доме-музее. Оба портрета воспроизводят натуру почти в одном и том же положении⁴.

Вспоминая, как работал И. Н. Крамской над портретами, С. А. Толстая в неопубликованных записках «Моя жизнь» писала: «Несколько раз

¹ С. И. Танеев. Личность, творчество, документы его жизни. М.—Л., Музсектор, 1925, стр. 61.

² Лев Николаевич Толстой. Юб. сборник. М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 259.

³ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., Гос. изд. художеств. лит., 1959, стр. 384.

⁴ Размеры же и подписи на них различны, на яснополянском: «Крамской 1873», размер 104×77, на варианте Государственной Третьяковской галереи: «И. Крамской 1873 сентябрь» (буквы «И» и «К» переплетены), размер 98×79.



Уголок в зале.

пытался Крамской исполнить желание Третьякова, но Лев Николаевич упорно отказывал.

Наконец сам Крамской приехал, и очень понравился Льву Николаевичу. Лев Николаевич согласился, но позировать не обещал и, кроме того, поставил в условие, что Крамской напишет конию для нас за плату, которую сам назначит.

«Нет, я конии писать не могу, мне легче написать два портрета»,— говорил Крамской, и так и сделал. По окончании двух портретов он пред-

ложил мне выбрать тот, который мне больше нравится, и за портрет взял сравнительно очень маленькое вознаграждение»¹.

Сеансы происходили в Ясной Поляне почти ежедневно с 6 сентября по 3 октября. Общение Толстого с Крамским оставило, несомненно, большой след как у писателя, так и у художника. Между ними возникали разговоры, а порой и споры по различным вопросам, но главное об искусстве. «Помню, взойду я в маленькую гостиную, — вспоминает Софья Андреевна, — посмотрю на этих двух художников, один пишет портрет Толстого, другой пишет свой роман «Анну Каренину». Лица серьезные, сосредоточенные, оба художники настоящие, большой величины, и в душе моей такое к ним чувствовалось уважение...»². Современники указывали, что художник Михайлов в «Анне Карениной» «похож на Крамского»³.

Портреты получили признание как у самого Толстого, так и у членов его семьи.

14 сентября 1873 года Софья Андреевна писала сестре, что оба портрета «замечательно похожи, смотреть страшно даже»⁴.

Впоследствии, в 1885 году, Толстой, вспоминая о художнике, говорил: «Я помню, когда Крамской окончил мои портреты, был ужасно доволен и выставил их вот здесь в зале, прося меня самого выбрать, какой лучше. Я ответил пошлостью, что не знаю своего лица. Он сказал: «Неправда, всякий лучше всех знает свое лицо». И в самом деле, в этом случае в человеке есть какая-то внутренняя интуиция — он знает свое лицо»⁵. Живописные достоинства обоих вариантов настолько велики, что нет необходимости выбирать один из них. Еще В. В. Стасов в 1887 году писал: «Оба портрета Толстого выжили у него (Крамского. — Н. П.) истинными шедеврами, неоцененными изображениями великого русского писателя в эпоху средних его лет. Талант, ум, оригинальный склад природы, непре-

¹ С. А. Толстая. Моя жизнь (машинопись). Музей-усадьба Ясная Поляна, стр. 387—388.

² Там же, стр. 394—395.

³ Н. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II. М.—Л., «Искусство», 1949, стр. 29.

⁴ П. И. Вирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. II. М., ГИЗ, 1923, стр. 115.

⁵ «Литературное наследство», т. 69. Кн. 2-я. М., АН СССР, 1961, стр. 62.

клонная сила воли, простота — ярко высказались в лице и позе этого великолепного портрета»¹.

Два портрета, висящих справа от полотна работы Крамского, написаны его учеником И. Е. Репиным.

Портрет Толстого работы Репина 1887 года является первым по времени изображением Толстого в блестящей галерее портретов и рисунков, созданных художником за долгие годы его знакомства и дружбы с великим писателем. На этом незаконченном портрете Толстой изображен сидящим за своим письменным столом в нижнем кабинете на фоне обобщенно написанного книжного шкафа.

В августе 1887 года Толстой пишет В. Г. Черткову: «У нас — завтра будет неделя — живет Репин и пишет мой портрет и отнимает у меня время, но я рад и очень полюбил его...»².

Софья Андреевна в дневнике записала: «Был художник Репин, приехал 9-го, уехал 16-го в ночь. Он написал два портрета Льва Николаевича; первый он начал в кабинете, внизу, остался им недоволен и начал другой наверху, в зале, на светлом фоне. Портрет удивительно хорош. Он пока у нас, сохнет. Первый он кончил на скорую руку и подарил мне»³.

Как известно, этим портретом Репин остался недоволен, говоря: «Нет воздуха и перспектива неверна». «Однако, — по свидетельству С. Л. Толстого, — в этом портрете глаза, острые небольшие серые глаза Льва Николаевича написаны так поразительно верно, как они не изображены ни на каком другом портрете Толстого, — того же Репина или других художников»⁴.

В центре стены висит превосходный портрет старшей дочери Толстых Татьяны Львовны, впоследствии вышедшей замуж за М. С. Сухотина. Эта работа также И. Е. Репина (1893 г.).

«...Я просила Репина, — вспоминает Софья Андреевна, — написать портрет дочери Тани. Репин тотчас же согласился: он очень любил и ценил высоко нашу Таню, и взялся писать ее портрет... Сначала мне

¹ В. В. Стасов. И. Н. Крамской. СПб., 1887, стр. 19.

² Л. Н. Толстой, т. 86, стр. 74.

³ Дневники С. А. Толстой, 1860—1891. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1928, стр. 145—146.

⁴ С. Л. Толстой. Очерки былого. М., ОГИЗ, 1949, стр. 352.



*Т. Л. Толстая.
Портрет работы И. Е. Репина.
1893 г. Масло.*

портрет нравился, как картина, но сходства было мало. Но под конец явилось и сходство, и я очень люблю этот портрет. Помню, что Репин очень спешил в Петербург... и потому не мог кончить писать руки. Так эти руки и остались в виде набросков...»¹

Портрет этот был написан с натуры в Хамовническом доме в Москве, но уже с 1894 года всегда находился в Ясной Поляне. Дважды он демонстрировался на выставках: в Таврическом дворце (Петербург, 1905 г.) и выставке произведений Репина (Москва, Ленинград, 1936—1937 гг.). Татьяна Львовна занималась живописью под руководством Репина и училась в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Она сделала ряд рисунков и написала несколько портретов отца, членов семьи, родственников и яснополянских крестьян.

И. Е. Репин говорил ей: «Не бросайте живописи. Голова Марии Львовны и другие этюды ваши представляют такое большое умение, которому позавидуют многие из профессиональных художников»².

¹ С. А. Толстая. Моя жизнь (машинопись). Музей-усадьба Ясная Поляна, стр. 1—2.

² И. Е. Репин. Письма, т. 1. М.—Л., «Искусство», 1949, стр. 95.

*С. А. Толстая.
Портрет работы В. А. Серова.
1892 г. Масло.*



На портрете работы Н. Н. Ге 1891 г. (слева у окна) изображена другая дочь Толстых — Мария Львовна, в замужестве Оболенская.

Т. Л. Толстая писала о создании этого портрета: «Я начала раз при нем (Ге.— Н. П.) портрет сестры Маши для того, чтоб он на практике дал мне некоторые указания. Когда я его подмалевала, Ге подошел, посмотрел и не одобрил моей работы. «Ах, Таня, разве можно так писать. Надо вот как!» — и, взяв из моих рук палитру и несколько больших кистей, он переписал весь подмалевок. Потом он передал мне палитру и велел продолжать. Но начало было так хорошо, что мне не хотелось его портить, и мы упросили его кончить портрет, что он и сделал»¹.

На этой же стене (справа у окна) висит портрет жены Толстого Софьи Андреевны работы В. А. Серова (1892 г.). По характеру живописи портрет не типичен для манеры Серова начала 90-х годов. Живя в Москве, Толстой обратился к художнику с просьбой написать портрет его жены.

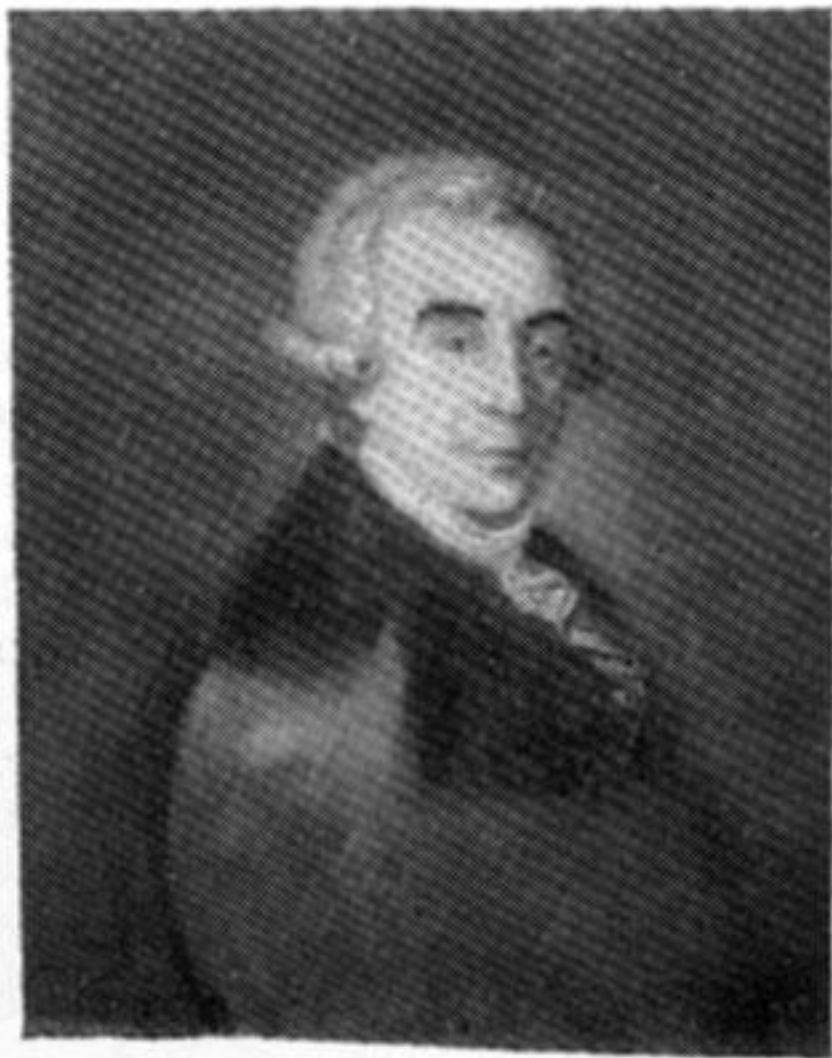
¹ Т. Л. Сухотина-Толстая. Друзья и гости Ясной Поляны. М., «Колос», 1923, стр. 46.

Современники и, как говорил С. Л. Толстой пишущему эти строки, Л. Н. Толстой находили этот портрет очень схожим с оригиналом¹.

На противоположной стене находятся фамильные портреты работы неизвестных художников (масло). Эти портреты напоминают нам историю семьи в разные периоды жизни, историю яснополянской усадьбы и отражение семейной хроники в художественных произведениях Толстого.

По левую сторону от двери висит портрет генерала от инфантерии деда Толстого по материнской линии Н. С. Волконского (1753—1821 гг.). «Умный, гордый, даровитый»,— говорит о нем Толстой,— Н. С. Волконский отличался широтой умственных интересов, обладал независимостью характера и мнений. При нем в усадьбе был распланирован парк, выкопаны пруды; он же является строителем фундаментальных построек,

¹ О писании портрета см. в письмах С. А. Толстой к Л. Н. Толстому 23, 28, 29 апреля 1892 г. С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. М.—Л., Academia, 1936, стр. 516, 517, 522, 523.



*Н. С. Волконский.
Портрет неизвестного художника.
Масло.*

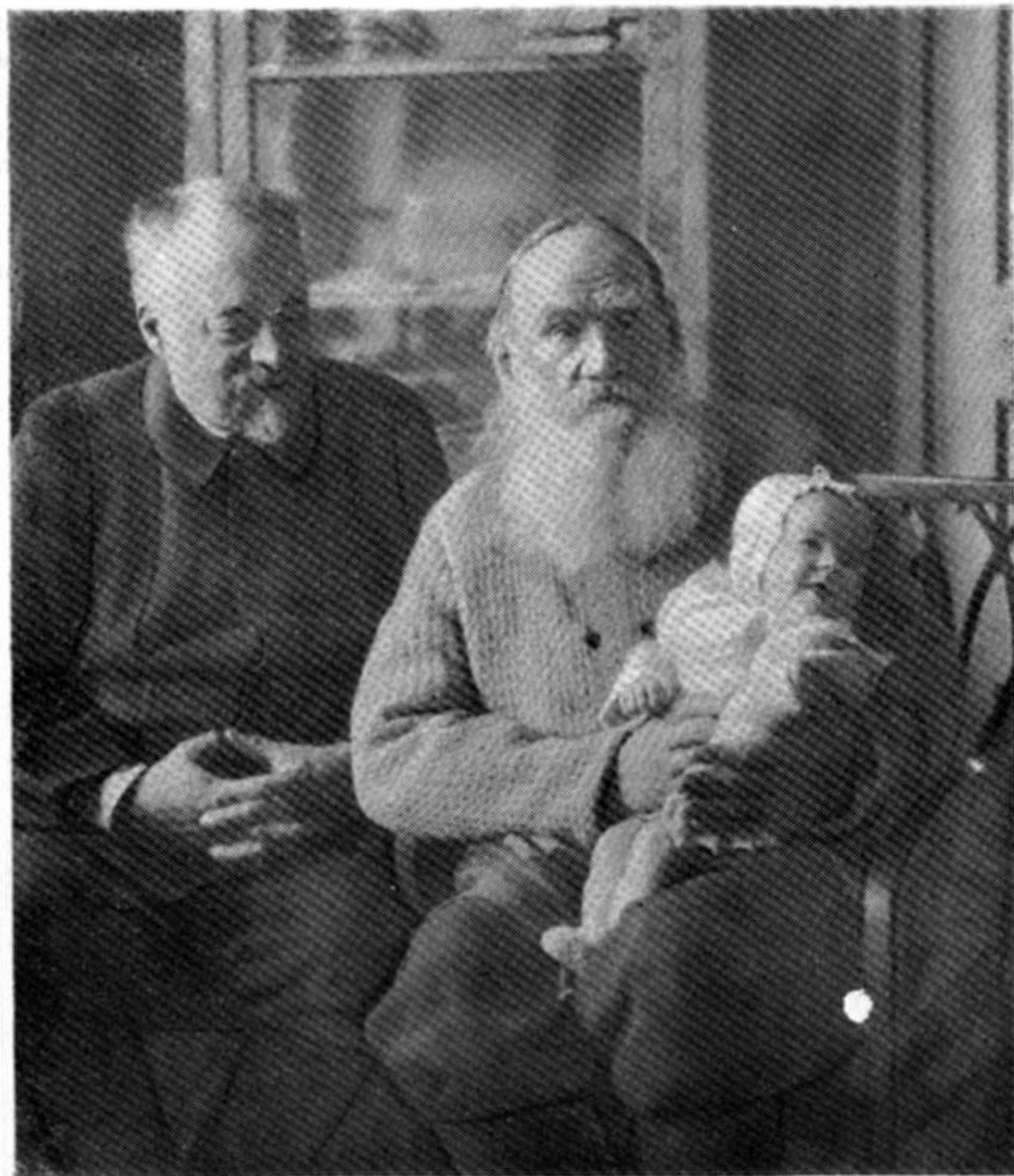
существующих и поныне в Ясной Поляне. Некоторые черты жизни и характера своего деда Толстой воспроизвел в романе «Война и мир» в образе кн. Николая Андреевича Болконского. Даже наружность старого князя, данная в одном из черновых текстов «Войны и мира», напоминает характерные особенности Волконского: «Князь был свеж для своих лет, голова его была напудрена, частая борода синелась, гладко выбрита... Он держался прямо, высоко нес голову, и черные глаза из-под густых, широких черных бровей смотрели гордо и спокойно над загнутым сухим носом, тонкие губы были сложены твердо»¹.

Слева от двери в гостиную висит портрет деда по отцовской линии, бригадира и тайного советника И. А. Толстого (1757—1820 гг.), женатого на дочери Н. И. Горчакова Пелагее Николаевне. Толстой писал о своем

¹ Л. Н. Толстой, т. 13, стр. 81.



*И. А. Толстой.
Портрет неизвестного художника.
Масло.*



*Л. Н. Толстой с внучкой Таней Сухотиной на руках
и М. С. Сухотиным. Ясная Поляна. Фотография
С. А. Толстой. 1906 г.*

деде, что он был, «как я его понимал, человек ограниченный, очень мягкий, веселый и не только щедрый, но и бестолково-мотоватый, а главное, доверчивый»¹. Говоря о фамильных портретах в яснополянском доме, И. Л. Толстой вспоминал: «Они были немножко страшные, и я их сначала тоже боялся, но потом мы привыкли к ним, и одного из них, моего прадеда, Илью Андреевича Толстого, я даже полюбил, потому что говорили, что я на него похож.

У него было очень добродушное, толстое лицо. Про него папá рассказывал по преданиям, что он посылал стирать белье в Голландию. Он был страшный хлебосол, веселый и щедрый и на своем веку прожил огромное состояние своей жены»².

Во многом черты характера И. А. Толстого напоминают Илью Андреевича Ростова в «Войне и мире».

На этой же стене в золоченой лепной раме — портрет секунд-майора в отставке, прадеда Толстого кн. Николая Ивановича Горчакова (1725—1811 гг.).

О личности Н. И. Горчакова в семье Толстых бытовали рассказы, передававшиеся из одного поколения в другое. «Рассказывали про него, — вспоминал И. Л. Толстой, — что он был очень богат и очень скуп. Он любил считать деньги и целыми днями пересчитывал свои ассигнации.

А когда ослеп, он заставлял одного из своих приближенных, которому одному только доверял, приносить к нему заветную шкатулку красного дерева, отпирал ее своим ключом, и на ощупь снова и снова пересчитывал старые, мятые бумажки.

А в это время доверенный его незаметно выкрадывал деньги и на их место клал газетную бумагу. И старик перебирал эту бумагу тонкими, трясущимися пальцами и думал, что он считает деньги»³.

В начале 1879 года Толстой работает над оставшейся незаконченной повестью «Бруждающиеся и обремененные», в которой основными действующими лицами являются представители рода Горчаковых, в том числе прадед Толстого Н. И. Горчаков, его мать Т. Г. Горчакова, рожденная

¹ И. Л. Толстой, т. 34, стр. 359.

² И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., «Худож. лит.», 1969, стр. 54.

³ Там же, стр. 55.

кн. Мордкина, под вымышленным именем Мавры Ивановны, в монашестве Амфилогии. Толстой, собирая семейные предания и материалы, проявляет исключительный интерес к родословной своих предков. Он обращается также за различными справками о представителях рода Горчаковых ко многим лицам. Его интересуют отдельные представители этого рода, в том числе Т. Г. Горчакова и подробности ее жизни. «Еще нельзя ли узнать у князя Александра Михайловича, — пишет Толстой, — как звали в миру его прабабку, а мою прапрабабку урожденную княжну Мордкину, и в каком монастыре она была инокинею и под каким именем. У меня есть ее портрет»¹.

Этот портрет висит слева в простенке и является самым ранним в портретной галерее предков писателя. На нем изображена мать прадеда Толстого Н. И. Горчакова — Татьяна Григорьевна Горчакова, рожденная кн. Мордкина (ум. 1781 г.).

В неопубликованной описи вещей дома, составленной С. А. Толстой в 1914—1918 гг., говорится: «Портрет княгини Горчаковой, рожд. княж[ны] Мордкиной, написан в 1705 году. Надпись уничтожили при реставрировании портрета, но я, Соф[ья] Андр[еевна], видела ее сама. Она была маленькими буквами белой краской»².

Категорическое утверждение С. А. Толстой, что на портрете стояла дата «1705 год», позволило сделать ошибочный вывод, что на портрете изображена мать Т. Г. Горчаковой — Аксиция Гавриловна. Однако в процессе дальнейшего исследования оказалось, что это изображение Т. Г. Мордкиной, вышедшей замуж в феврале 1721 г. за Ивана Федоровича Горчакова (1694—1750). После смерти мужа она постриглась в монастырь. На ее надгробии имеется следующая эпитафия: «Под сим камнем погребено тело покойной княгини, Татьяны Григорьевны Горчаковой, которая, постригшись в монашеский чин, наименована Афанасиею, житие ее в Киеве во Флоровском монастыре продолжалось около 30 лет... скончалась 70 лет от роду, где прах ее и покоится»³.

¹ Л. Н. Толстой, т. 62, стр. 468.

² С. А. Толстая. Опись 1914—1918 гг., лист. 11. Архив Музея-усадьбы Ясная Поляна.

³ «Краткое историческое описание Киево-Печерской Лавры». Киев, 1805, стр. 256—257.

Следовательно, пробыв около 30 лет в монастыре, она поступила в него около 40 лет от роду, а как известно по родословным книгам, это произошло в 1751 г. Можно предполагать, что она родилась не раньше 1708—1710 гг. На портрете изображена женщина средних лет, и портрет мог быть написан вскоре после ее поступления в монастырь около 1750-х гг., или, скорее, в начале 1760-х гг., но никак не в 1705 г., как сообщает С. А. Толстая.

Справа у окна висит портрет бабушки Л. Н. Толстого Екатерины Дмитриевны Волконской (1749—1792 гг.), рожденной Трубецкой, жены Н. С. Волконского.

В семье Толстых считали, что портрет Е. Д. Волконской написан художником Ф. С. Рокотовым.

Портреты предков Толстого, являющиеся экспонатами Яснополянского дома-музея, представляют собой большую историческую ценность. Прежде всего, они ценны как фамильные портреты представителей рода Толстых, сыгравших в свое время определенную историческую роль в судьбах России. Для Толстого эти портреты были значительны еще и потому, что дали первое представление об облике лиц, послуживших прототипами ряда персонажей исторических произведений писателя. Во многих творениях Толстого пробивается автобиографическая струя, с чем неизменно сплетались семейные предания. Все это усиливало и оживляло те художественные черты и образы, которые легли в основу таких опытов исторического романа, как незаконченное произведение «Труждающиеся и обремененные», не говоря уже о «Войне и мире», для которого образы Н. С. Волконского и И. А. Толстого были отправными, когда писатель создавал такие персонажи романа, как старый князь Болконский и старый граф Ростов.

Таким образом, фамильные портреты предков имеют прямое отношение к художественному творчеству Л. Н. Толстого.

Здесь же, в зале, стоят скульптурные изображения Л. Н. Толстого работы Н. Н. Ге (1890 г.), И. Е. Репина (1891 г.), а также бюст С. А. Толстой работы Л. Л. Толстого (1910 г.)¹. На левом подзеркальнике находится один из лучших скульптурных портретов Толстого — поясное его изображение со скрещенными руками на груди, работы П. П. Трубецкого (1899 г.) — гипс.

¹ Бюст С. А. Толстой, работы Л. Л. Толстого, лепился в зале, а отливался на террасе в 1910 г.

Стоящие в зале рояли (малый и концертный, оба фабрики Я. Беккер) — свидетельство огромного значения музыки в жизни Толстого и его семьи.

С. Л. Толстой писал: «Я не встречал в своей жизни никого, кто бы так сильно чувствовал музыку, как мой отец»¹.

Через всю свою сложную и многогранную жизнь Толстой пронесит любовь к классической музыке, к русской народной песне и пляске. В последние годы он говорил: «Ничто так не люблю, как наши простые деревенские песни».

«В своей семье, — писал С. Л. Толстой, — Лев Николаевич поощрял исполнение народных песен. Иногда он говорил: «Вы бы попели или поиграли». Его дочери Татьяна и Мария пели песни из репертуара яснополянских баб и цыганские песни...»²

Толстой превосходно знал народную поэзию и песню и глубоко изучал их. В своих произведениях «Война и мир», «Анна Каренина», «Метель», «Идиллия», «Семейное счастье» и др. Толстой уделял немало внимания песенному творчеству русского народа, как выражению широты и силы русского национального характера. В статье «Что такое искусство?» он пишет: «На днях я шел домой с прогулки в подавленном состоянии духа. Подходя к дому, я услышал громкое пение большого хора баб... В пении этом с криками и битьем в косу выражалось такое определенное чувство радости, бодрости, энергии, что я сам не заметил, как заразился этим чувством и бодрее пошел к дому и подошел к нему совсем бодрый и веселый. В таком же возбужденном состоянии я нашел и всех домашних, слушавших это пение...»³.

«В 70-х годах, — вспоминает его сын Сергей Львович, — Толстой сам увлекался музыкой до того, что играл по три-четыре часа в день. Впечатление от его игры — одно из моих ярких детских впечатлений. Бывало, когда мы, дети, ложились спать, отец садился за фортепиано и играл до двенадцати или часа ночи, иногда в четыре руки с матерью»⁴.

По вечерам, когда вся семья и гости собирались в зале, здесь звуча-

¹ С. Л. Толстой. Очерки былого. М., ОГИЗ, 1949, стр. 392.

² Там же, стр. 408.

³ Л. Н. Толстой, т. 30, стр. 144.

⁴ С. Л. Толстой. Очерки былого. М., ОГИЗ, 1949, стр. 399.

ла музыка, раздавалось пение. Толстой часто аккомпанировал кому-нибудь из домашних, чаще других свояченице Т. А. Кузминской, репертуар которой состоял из лучших романсов Глинки, Даргомыжского, Чайковского. В яснополянском доме перебивало много музыкантов, среди которых были С. И. Танеев, А. С. Аренский, Ванда Ландовска, М. А. Оленина-д'Альгейм, А. Б. Гольденвейзер, К. Н. Игумнов, М. Г. Эрденко, балалаечник Б. С. Трояновский и др.

Толстой любил слушать музыку и пение, сидя в глубоком вольтеровском кресле, которое стоит у рояля при входе в гостиную.

А. Б. Гольденвейзер вспоминает: «Во время игры он (Толстой.— *Н. П.*) обычно садится в старинное, низкое и широкое дедовское кресло, обитое дешевой материей, стоявшее как раз у хвоста рояля»¹.

В этом кресле Репин изобразил Толстого на рисунке 1887 г. «Л. Н. Толстой в дедовском кресле» и на портрете 1909 года «Л. Н. Толстой в розовом кресле».

В углу на этажерке собраны различные нот. Многие из них содержат любимые музыкальные произведения Толстого: симфонии и сонаты Гайдна, сонаты и оперу «Дон-Жуан» Моцарта, романсы Глинки, Даргомыжского, Чайковского, Рубинштейна, старинные русские и цыганские песни и романсы, симфонии, сонаты, концерты Бетховена и почти все фортепьянные сочинения Шопена. Толстой говорил: «Шопен в музыке то же, что Пушкин в поэзии»². Слушая его музыку, Толстой испытывал «чувство полной художественной удовлетворительности, чувство, что именно так это должно быть,— ничего лишнего, ничего недосказанного»³.

На желтом простом столе, стоящем рядом с этажеркой, лежит в коричневой кожаной папке альбом рисунков, присланный Толстому. На переплете тисненая серебром надпись: «28 августа 1908 г. Великому писателю земли русской Льву Николаевичу Толстому от Московского общества любителей художеств». В альбоме хранятся рисунки (акварель, пастель, карандаш) художников Касаткина, Ап. Васнецова, Батурина, Пастернака и других.

¹ А. Б. Гольденвейзер. Толстой и музыка.— «Литературное наследство», т. 37—38, стр. 593.

² Н. Гусев, А. Гольденвейзер. Лев Толстой и музыка. Воспоминания. М., Музгиз, 1953, стр. 8.

³ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., Гос. изд. художеств, лит., 1959, стр. 379.



Через зал можно пройти в небольшую солнечную комнату с двумя окнами на юг — гостиную. Здесь долгие годы жила дальняя родственница Толстого, нежно любимая им «тетенька» Татьяна Александровна Ергольская (1792—1874)¹ — «третье, после отца и матери, и самое важное лицо в смысле влияния...» Незамужняя Т. А. Ергольская всю свою жизнь посвятила воспитанию Толстого, его братьев и сестры, оставшихся малолетними после смерти их родителей.

Вспоминая свою холостую жизнь в Ясной Поляне, Толстой дал описание этой комнаты при жизни в ней Татьяны Александровны.

«Комната ее была такая: в левом углу была шифоньерка с бесчисленными вещицами, цешьми только для нее, в правом — кивот с иконами и большим, в серебряной ризе Спасителем; посредине диван, на котором она спала; перед ним стол. Направо дверь к ее горничной... Между окнами под зеркалом был ее письменный столик с баночками и вазочками, в которых были сладости: пряники, финики, которыми она угощала меня. У окна два кресла и направо от двери вышитое покойное кресло, на котором она любила, чтобы я сидел, и я часто сидел на этом кресле по вечерам...»²

Здесь Толстой проводил длинные осенние и зимние вечера в обществе «тетеньки». «И эти вечера, — писал Толстой, — остались для меня чудесным воспоминанием. Этим вечерам я обязан лучшими своими мыслями, лучшими движениями души...»³

Обстановка комнаты во времена жизни в ней Т. А. Ергольской описана Толстым в «Семейном счастье» под видом комнаты Татьяны Семеновны.

Личность и судьба Т. А. Ергольской в молодые годы отчасти напоминает образ Соии в «Войне и мире». Т. А. Ергольская послужила также прообразом тетеньки Нехлюдова в «Романе русского помещика» и в «Утре помещика».

¹ Портрет Т. А. Ергольской так же, как портрет матери Л. Н. Толстого (за исключением силуэта девочкой), не сохранился.

² Л. Н. Толстой, т. 34, стр. 367.

³ Там же.

С 1874 г. эта комната стала гостиной и была впоследствии связана главным образом с жизнью Софьи Андреевны. В углу, у окна, направо от двери, было ее постоянное место, где она переписывала сочинения мужа за маленьким бюро красного дерева. В настоящее время оно находится в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого в Москве, а на его месте стоит письменный стол в русском стиле.

Софья Андреевна на протяжении почти 48 лет совместной жизни с Толстым была помощницей в его огромном творческом труде. Как известно, Толстой отличался исключительной требовательностью к себе, к своим произведениям, стремясь к тому, чтобы его замыслы получили возможно более четкое и яркое воплощение. В процессе работы менялись не только отдельные слова, выражения, главы, вся композиция произведения, часто коренным образом изменялся и самый его замысел. Так было с романом «Война и мир» и другими произведениями.

Черновые рукописи Л. Н. Толстого, испещренные бесконечными поправками, дополнениями, вставками на полях, написанные крайне неразборчивым почерком, требовали многократной переписки, и весь этот большой труд, особенно в первые годы семейной жизни, лежал на Софье Андреевне. «Я целыми днями переписываю Левочке и потому устаю», — сообщает она в письме к сестре.

«Переписыванье «Войны и мира» и вообще сочинений Льва Николаевича, — писала С. А. Толстая, — доставляло мне большое эстетическое наслаждение. Я ждала вечера без страха перед трудом, а с радостью перед тем, что даст мне вновь наслаждение знакомство с дальнейшим ходом его произведения. Меня восхищала эта жизнь мысли, эти изгибы, неожиданности и непостижимые разнообразные формы его творчества»¹.

Сын Толстых Илья Львович писал о матери: «Она сидела в гостиной, около стола, у своего маленького письменного стола и все свободное время она писала.

Нагнувшись над бумагой и всматриваясь своими близорукими глазами в каракули отца, она просиживала так целые вечера и часто ложилась спать поздней ночью после всех»².

¹ С. А. Толстая. Моя жизнь (машинопись). Музей-усадьба Ясная Поляна, стр. 56—57.

² И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., «Худож. лит.», 1969, стр. 107—108.

Налево от двери из зала стоит круглый стол красного дерева, тоже перенесенный из старого яснополянского дома. Возле него — диван и два удобных низких кресла из персидского ореха¹. Здесь собирались гости, друзья. Беседуя с ними, Софья Андреевна занималась обычно каким-нибудь рукоделием: вязала, штопала, вышивала. За этим столом И. С. Тургенев «выразительно живо» читал свой рассказ «Собака», и вечер принял «чисто тургеневский характер».

У стены, отделяющей гостиную от кабинета, стоит кушетка, а рядом с нею маленький бамбуковый столик с майоликовой доской, подаренной Софье Андреевне в день ее рождения дочерью Марией Львовной. Около окна стоит небольшой шкафчик в русском стиле. На нем находятся статуэтки работы И. Я. Гинцбурга (1891 г.) — гипс и Н. Л. Аронсона (1901 г.) — гипс.

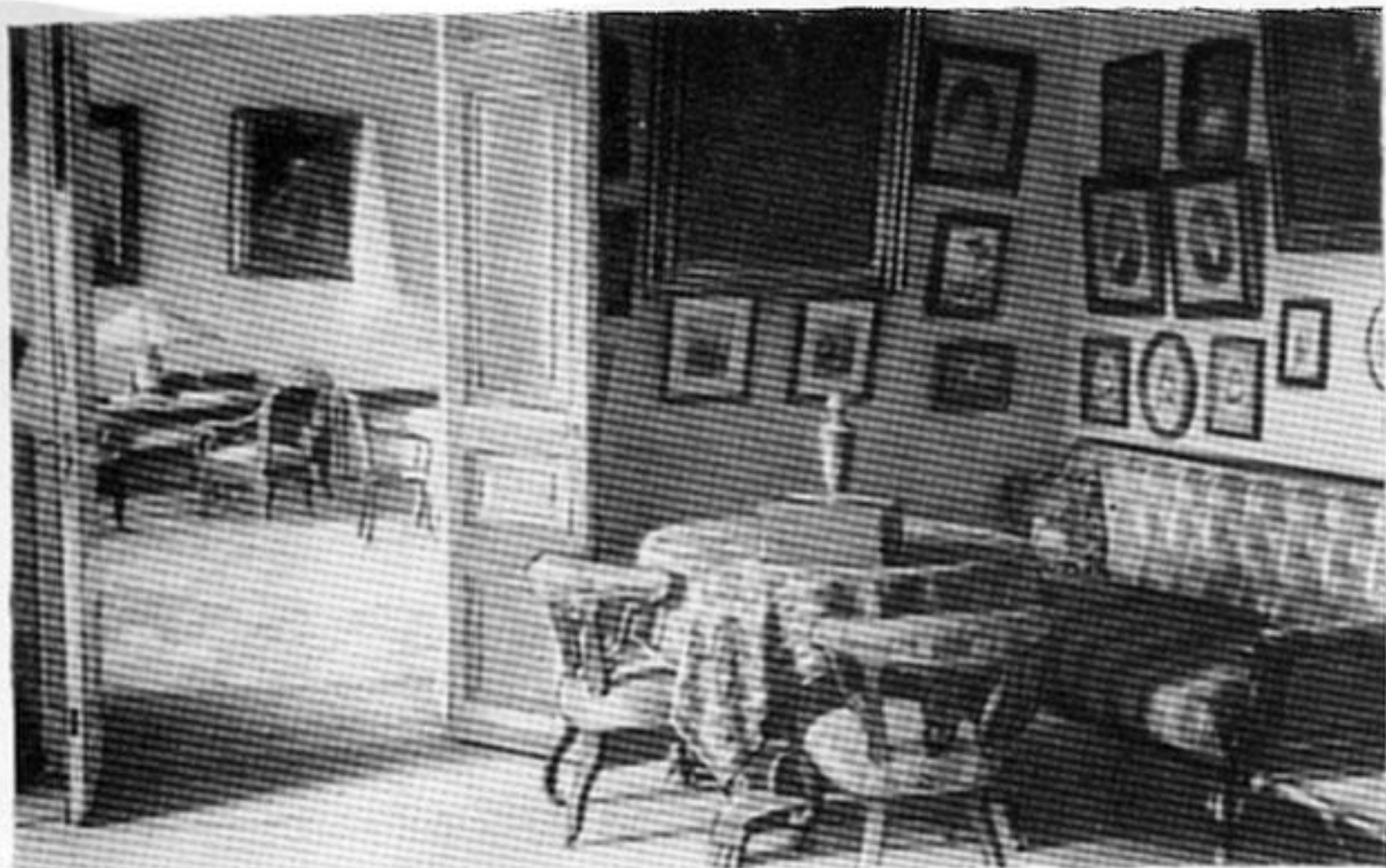
В 1891 г. скульптор И. Я. Гинцбург был в Ясной Поляне одновременно с И. Е. Репиным, который писал Толстого в «комнате под сводами», а Гинцбург лепил его.

На стенах комнаты многочисленные портреты членов семьи Толстого и близких им лиц, пейзажи Ясной Поляны.

Образ Толстого — великого труженика, погруженного в напряженную творческую работу, среди орудий физического труда, которым он, наряду с умственным, усиленно занимался в 80—90-е годы, прекрасно воспроизводит висящая здесь авторизованная копия известной картины Репина (1891 г.), изображающая Толстого в своем яснополянском кабинете — в «комнате под сводами»². «Вся натура, вся творческая душа великого писателя, — писал В. В. Стасов 26 июня 1891 года, — выразились, мне кажется, огненными чертами в этой небольшой картинке. Глаза опущены, но точно видишь, с каким глубоким взглядом они смотрят из-под густых, насупленных бровей на то, что пишется мощной, твердой рукой на лежащей впереди бумаге. Стол, на котором пишет Толстой, вдвинут к самому окну, откуда падает яркий свет на комнату. В одном углу ее — боль-

¹ Диван 1850-х годов «был куплен Льв. Ник.-м при помощи его друга Вл. Ад. Иславина вместе с другой мебелью в Петербурге...» С. А. Толстая. Опись 1918 г., лист 13, запись 1. Архив Музея-усадыбы Ясная Поляна.

² «Копия с картины Репина масляными красками Лев Ник. пишущий внизу под сводами писана орловским каким-то художником по рекомендации брата А. А. Берса». С. А. Толстая. Опись 1918 г., лист 13/об., запись 5. Архив Музея-усадыбы Ясная Поляна. Кроме того, С. Л. Толстой говорил нам, что в один из своих приездов в Ясную Поляну Репин «потеплил все полотно».



Гостиная

шая лопата, прислоненная к стене; недалеко, тут же, коса, стоящая стоймя, пила привешена к потолку, у дверей, на полу небольшой топор, на задней стене висит на гвоздиках разное платье и широкополая шляпа. Этот портрет — настоящая картина; для меня это истинная историческая картина, на которую будут радоваться и удивляться все будущие наши потомки»¹.

На стене, отделяющей гостиную от зала, между окном и дверью, висит женский портрет (масло, копия неизвестного художника с оригинала Х. Фогеля-фон Фогельштейна) Анны Александровны Голицыной, рожденной кн. Прозоровской, наружность которой напоминала С. А. Толстой черты ее матери².

¹ В. В. Стасов. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания, т. 1. М., Изд-во Акад. художеств СССР, 1952, стр. 97.

² А. А. Голицына — жена Федора Сергеевича Голицына. Из числа копий портретов галереи Голицыных, переданных С. Ф. Голицыным Н. С. Волконскому. Оригинал воспроизведен в журн. «Старые годы», 1908, март, стр. 139.

Налево от входа из зала — большой портрет С. А. Толстой с дочерью Александрой на руках, работы Н. Н. Ге (1886 г.), масло.

«Его (Н. Н. Ге.— Н. П.) желание,— писала Т. Л. Толстая,— сделать мой портрет очень польстило мне, но мой отец попросил его, вместо моего, написать ему портрет моей матери...

...Моя мать была написана сидящею в кресле, в бархатном платье с кружевами. Но раз утром Николай Николаевич пришел в столовую пить кофе и объявил нам, что портрет никуда не годится и что он его уничтожит.

— Это невозможно, — говорил он. — Сидит барыня в бархатном платье, и только и видно, что у нее сорок тысяч в кармане. Надо написать женщину, мать. А это ни на что не похоже...

Таким образом портрет этот был уничтожен и только через несколько лет написан другой. На нем моя мать изображена стоя, в черной накидке, с моей младшей сестрой Сашей...»¹.

Здесь же висят два пейзажа (масло) работы И. П. Похитонова: «Место, где зарыта зеленая палочка» и «Дубы в Чепыже».

В июне 1905 года Похитонов приехал в Ясную Поляну, и по записям Д. П. Маковицкого — «пробыл три недели, написал 6—7 картинок, которые всем нравились. Софье Андреевне подарил изображение части леса, где зеленая палочка. Это место показал ему Лев Николаевич. Похитонов приятный, добряк. Л. Н. говорил, что он как настоящий художник, имея перед собой идеал, стремясь все к большему и большему совершенствованию своих произведений, и в других своих работах точный»².

Второй сюжет работы Похитонова связан с местом в усадьбе (Чепыж), о котором С. А. Толстая свидетельствовала «...где меня под этим дубом застала сильная гроза, а я оберегала маленького Сережку, лежащего в тележке (описано в «Анне Карениной»: Кити в Колке)»³.

Обращают на себя внимание портреты отца Л. Н. Толстого — Н. И. Толстого в юности и деда Льва Николаевича — И. А. Толстого — казанского губернатора.

¹ Т. Л. Сухотина-Толстая. Друзья и гости Ясной Поляны. М., «Колос», 1923, стр. 32—34.

² Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки, 1905 г. ГМТ, рукоп. отд., к. п. № 19178.

³ С. А. Толстая. Опись 1914 г., май, стр. 21. Архив Музея-усадьбы Ясная Поляна.

Портреты выполнены пастелью художником К. В. Барду, который жил в Казани в 1812—1816 гг. Можно предположить, что эти портреты были сделаны там, когда дед Толстого управлял Казанской губернией (1815—1820 гг.).

Заслуживают упоминания портреты сестер отца Толстого П. И. Юшковой и А. И. Остен-Сакен работы неизвестных художников (масло), а также фотография 1865 г. в ореховой овальной раме, изображающая Т. А. Берс (в замужестве Кузминскую) — сестру жены Толстого. По словам Софьи Андреевны, Толстой так говорил про свою героиню Наташу в «Войне и мире»: «Я взял Таню, перестолок ее с Соней и вышла Наташа». Внешность Наташи, по словам Толстого, совпадала с Т. А. Берс. Он говорит об этом в письме к М. С. Башилову — первому иллюстратору «Войны и мира»: «В поцелуе — нельзя ли Наташе придать тип Танички Берс?.. Но я уверен, что вы, как художник, посмотрев Танин дагерротип 12-ти лет, потом ее карточку в белой рубашке 16-ти лет и *потом ее большой портрет прошлого года* (курсив наш.— Н. П.), не упустите воспользоваться этим типом и его переходами, особенно близко подходящими к моему типу»¹.

Над дверью на площадку лестницы висит старинная фотография на белом паспарту в ореховой рамке из скрещивающихся реек под стеклом — «За чайным столом», на которой: Войткевич Софья Робертовна (1844—1880), Толстая Варвара Валерьяновна (1850—1921), Дьякова Мария Дмитриевна (1850—1903), Оболенская Елизавета Валерьяновна (1852—1935), Оболенский Леонид Дмитриевич (1844—1888), Дьяков Дмитрий Алексеевич (1823—1891).

На обороте монтировки, под откидной подставкой, — надпись рукою С. А. Толстой: «За самоваром Софеш Робертовна, 2-я жена Д. А. Дьякова, гр. Варвара Валерьяновна Толстая. Сидит, подпершись рукой, Маша Дьякова, кн. Елизавета Валерьяновна Оболенская. Ее муж кн. Леонид Дмитриевич Оболенский. С папиросой Дмитрий Алексеевич Дьяков, отец Маши, друг нашей семьи. Крестил Таню и Илью».

Здесь же, в простенках справа, в овальной раме висит портрет первого владельца Ясной Поляны, участника Семилетней войны (1756—1762 гг.), прадеда писателя генерал-майора Сергея Федоровича Волконского (1715—1784 гг.). О нем сохранилось семейное предание, будто он, будучи

¹ Л. Н. Толстой, т. 61, стр. 152—153.

в походах, по просьбе жены, надел на грудь заказанную ею икону, и благодаря этому неприятельская пуля, попавшая ему в грудь, не причинила вреда.

Об этом предании вспоминает Толстой в «Войне и мире», в сцене, где княжна Марья уговаривает князя Андрея взять с собой на войну образ: «Его еще отец моего отца, наш дедушка, послал во всех войнах»...

В другом простенке слева — портрет младшего сына С. Ф. Волконского — Н. С. Волконского в молодые годы.

Толстой, как известно, дорожил памятью о своем дде, а в молодости хотел даже подражать ему.

В романе «Война и мир» с большой любовью написаны главы, посвященные семье князя Николая Андреевича Болконского и их жизни в Лысых Горах (Ясной Поляне).

КАБИНЕТ

Соседняя с гостиной комната с большим итальянским окном и дверью на балкон дважды служила Толстому кабинетом: с 1856 по 1862 гг. и с лета 1902 года до его отъезда из Ясной Поляны 28 октября 1910 года. Здесь Толстой работал над произведениями «Юность», «Семейное счастье», «Педагогические статьи», «Тихон и Маланья», «Поликушка», «Хаджи-Мурат», «Воспоминания», «Фальшивый купон», «После бала», «Корней Васильев», «Алеша Горшок», «Ягоды», «Посмертные записки старца Федора Кузмича», «Отец Василий», «Что я видел во сне», «Не могу молчать», «Песни на деревне», «Три дня в деревне», «Ходынка», «Нет в мире виноватых», «Сон» и др.

Находящиеся в кабинете вещи являются спутниками почти всей жизни Толстого, начиная от рождения и до последних дней, проведенных в Ясной Поляне.

Налево от выхода из гостиной стоит старинный письменный стол из персидского ореха, оклеенный потертым зеленым сукном, с тремя вы-

движными ящиками. В течение всей своей многолетней жизни в ясно-полянском доме Толстой работал за этим столом, некогда принадлежавшим его отцу.

За этим столом написано большинство произведений великого писателя, в том числе «Война и мир» и «Анна Каренина». При переводе кабинета в другие комнаты — этот стол, как и находящийся здесь диван, переносились на новое место работы Л. Н. Толстого.

На столе скромные письменные принадлежности, часть которых была дорога Толстому по семейным воспоминаниям, как, например, кожаная шкатулка для бумаг, пресс-папье — бронзовая собачка на круглом основании из красного мрамора. Это пресс-папье принадлежало «тетеньке» Т. А. Ергольской и всегда стояло у нее на столе. В романе «Воскресение» Толстой писал: «Войдя в его (Нехлюдова.— *Н. П.*) маленькие комнатки, Наталья Ивановна внимательно осмотрела их. На всем она увидела знакомую ей чистоту и аккуратность и поразившую ее совершенно новую для него скромность обстановки. На письменном столе она увидела знакомое ей пресс-папье с бронзовой собачкой...» (часть 3, гл. XXXI).

Привлекает внимание находящаяся на столе глыба зеленого стекла



*Глыба зеленого стекла
(пресс-папье).*

(пресс-папье), подаренная Толстому служащими и рабочими Дятьковско-го Мальцевского хрустального завода в год отлучения Толстого от церкви (1901 г.). На глыбе монограмма и золотом надпись: «Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубокочтимый Лев Николаевич! И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылке. Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотят фари́сеи «первосвященники». Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим великим, дорогим, любимым».

Толстой бережно хранил эту вещь в числе других дорогих ему предметов. В письме на имя А. М. Эндаурова он писал: «Я получил ваш прекрасный подарок, в котором особенно дорога мне надпись, и прошу вас передать мою живейшую благодарность всем подписавшимся»¹.

Рядом с глыбой в деревянной черной рамке фотопортреты трех братьев Толстых — Николая, Дмитрия в молодости, Сергея в старости. Фотография Сергея Николаевича была снята М. Л. Оболенской, когда он в последний раз приезжал в Ясную Поляну. Толстой писал брату вскоре после его приезда 10 октября 1902 г.: «Портрет твой вышел превосходный. Маша поставила мне его в рамочке на стол, и ты на нем необыкновенно красив..., а главное, выражение самое настоящее»².

Здесь же лежат несколько книг, в том числе выписанная Толстым в 1910 г. «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» И. И. Иллюстрова. Л. Н. Толстой ценил ее, как источник русской народной мудрости. Эту народную мудрость он считал ключом к пониманию жизни. «...Для того, чтобы понять жизнь,— пишет Толстой, — я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей. Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни»³.

В ящичках письменного стола сохраняются личные вещи Толстого: ручки со следами чернил, карандаши, перочинный нож, ножи для разрезания книг, набор инструментов. Здесь же и несколько нераспечатанных писем, пришедших в Ясную Поляну после ухода и смерти Толстого, с почтовыми штемпелями 1910 года.

¹ Л. Н. Толстой, т. 73, стр. 113.

² Там же, стр. 304.

³ Там же, т. 23, стр. 47.



*Л. Н. Толстой в своем кабинете.
Фотография В. Г. Черткова. 1909 г.*

Перед столом стоит низкое детское кресло, принадлежавшее некогда дочери писателя Татьяне Львовне. Толстой был близорук, но никогда не носил очков или пенсне и любил работать, сидя на низких стульях. Вечерами он читал при свете одной свечи, которую сам зажигал.

У стены за письменным столом — старинный, обитый клеенкой (а в былые годы — кожей) диван, на котором родились Л. Н. Толстой, его братья, сестра, дети и на котором он отдыхал после работы. Этот диван связан с рядом семейных воспоминаний и этот же «кожаный истертый диван, обитый медными гвоздиками», описан в «Детстве», «Утре помещика», «Романе русского помещика», «Семейном счастье», «Войне и мире», «Анне Карениной» и «Воспоминаниях».

В ящиках дивана Л. Н. Толстой хранил свои рукописи, к которым «не позволял прикасаться».

У противоположной стены стоит круглый стол, около него (у двери) кресло, а рядом в углу удобное кресло начала XVIII века, так называемое «рогатое». Здесь Толстой, возвратившись после утренней прогулки, пил кофе, читал получаемые письма, газеты, книги, а вечерами отдыхал, раскладывал пасьянс или беседовал с кем-либо из посетителей. В этом уютном уголке кабинета в 1909 г. художник А. В. Моравов изобразил Л. Н. Толстого за работой.

Наиболее напряженно, в абсолютной тишине, Толстой работал в кабинете до 2—3-х часов дня.

Висящая над письменным столом полка является точной копией полки, сделанной самим Толстым и сожженной фашистскими захватчиками в 1941 году. Верхняя ее часть занята энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона. Среди многочисленных пометок Толстого на страницах словаря обращают внимание пометки в статьях о К. Марксе (т. 36), о Ф. Энгельсе (т. 80) и о социализме (т. 61).

Внизу на полке — книги преимущественно философского и религиозно-нравственного содержания. Среди них — сочинения французского мыслителя XVI века Монтеня, древнегреческого мыслителя Платона, дневник Амиеля, книги древнекитайских мудрецов Конфуция и Лао-Тзе, книга на английском языке Джозефа Д. Доука «М. К. Ганди — индийский патриот в Южной Африке. С введением лорда Эмтихилла» (книга была прислана в 1909 г. Ганди и в ней есть карандашные пометки Толстого), Г. Ольденбурга — «Будда. Его жизнь, учение и община». М., 1905 г.¹ Здесь же стоят памятники религиозной мысли — Библия, Коран и др. Многие из этих книг служили Толстому источниками в период его работы над сборниками: «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903 г.), «Круг чтения» (1906 г.), «На каждый день» (1909—1910 гг.) и «Путь жизни» (1910 г.). На этажерке, стоящей у письменного стола, лежат книги: П. А. Кропоткина «Завоевание хлеба», «Сборник революционных песен», В. Г. Короленко «Бытовое явление (заметки публициста

¹ Толстой читал эту книгу в мае 1907 г. и отмечает в записной книжке: «Читал Будду». По свидетельству А. Б. Гольденвейзера, Толстой говорил, что «это хорошая и интересная книга», но он порицает ее «научный тон»... А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 202.

о смертной казни)», с автографом: «Льву Николаевичу Толстому от бесконечно ему благодарного за великую нравственную поддержку. Вл. Короленко». Толстой читал эту статью и в письме к автору 27 марта 1910 года писал: «...Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, и главное, по чувству превосходную статью. Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья...»¹.

Здесь же лежит небольшой социал-демократический сборник «О бойкоте третьей Думы», изданный в 1907 году, со статьей В. И. Ленина «Против бойкота. (Из заметок с.-д. публициста)». Эта статья обратила на себя внимание Толстого. Он делает на ней пометки черным карандашом, отчеркивая на полях следующие строки: «...исторических условий применимости бойкота. Социал-демократ, стоя на почве марксизма, выводит бойкот не из степени реакционности того или иного учреждения, а из наличности тех особых условий борьбы, при которых, как показал уже теперь опыт и русской революции, применимо своеобразное средство, называемое бойкотом. Кто станет рассуждать о бойкоте, не учитывая двухлетнего опыта нашей революции...»

Пометки в статье В. И. Ленина, внимательно изучавшейся Толстым, так же, как и все вышеперечисленные книги в его кабинете, свидетельствуют о необыкновенной широте интересов Толстого, об его исключительном внимании и глубоком интересе к наиболее выдающимся явлениям общественно-политической жизни России.

У двери в спальню стоит фонограф, присланный в 1908 г. Толстому Томасом Эдисоном. Этот подарок — знак глубокого уважения к великому русскому писателю². Толстой пользовался фонографом лишь первые месяцы. Он продиктовал в него несколько писем и начало статьи «Не могу молчать». Но вскоре процедура эта показалась ему слишком сложной, и он перестал пользоваться фонографом. Сохранилось несколько валиков с записью голоса Толстого. Рядом стоит простой желтый стол

¹ Л. Н. Толстой, т. 81—82, стр. 187.

² Историю получения фонографа см.: «Литературное наследство», т. 37—38, стр. 330—331; Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. Изд. 2-е. М., 1928, стр. 68.

и этажерка, а у окна — два старинных кресла с решетчатыми спинками, принадлежавшие отцу Толстого.

В кабинете находится целый ряд портретов, гравюр, фотографий, снимков с картин, которые свидетельствуют о вкусах, интересах и связях Толстого в разные годы его жизни.

На стене, против окна, справа, висят фотографии И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. А. Фета, Е. П. Ковалевского, отражающие литературные связи Толстого. Здесь же фотография группы писателей — сотрудников журнала «Современник» (Гончаров, Тургенев, Дружинин, Островский, Григорович и Толстой), снятая фотографом С. Л. Левицким (двоюродный брат А. И. Герцена) по предложению Толстого. Под изображением на паспарту автографы Гончарова, Тургенева, Дружинина, Островского. На страницах этого журнала Толстой впервые выступил в печати с повестью «Детство» (редакторское название «История моего детства»).

«Глядел на портреты знакомых писателей 1856 года, — записывает Толстой в дневнике 14 января 1907 года, — всех умерших, живо представил себе...»¹.

На этой же стене, над книжной полкой, висят пять деталей картины Рафаэля «Сикстинская мадонна». Эти старинные литографии Толстой получил в подарок от своего друга и родственницы А. А. Толстой.

Слева висит фотопортрет известного в свое время американского экономиста Генри Джорджа (1839—1897 гг.). Ознакомившись с произведениями Толстого, Джордж прислал ему свои сочинения и засвидетельствовал «уважение и восхищение» перед его деятельностью. Здесь же фотография критика Н. Н. Страхова (1828—1896), частого гостя Ясной Поляны, выражавшего неоднократно чувство восхищения перед Толстым. «Не счастье ли, не величайшее ли счастье знать такого человека, как Вы, и побывать в таком уголке земли, как Ясная Поляна»².

Рядом на маленькой дубовой полке стоит скульптурное погрудное изображение старшего любимого брата Толстого Николая Николаевича, рано умершего — «Николенькина смерть — самое сильное впечатление моей жизни», — записал Толстой в дневнике 25 октября 1860 г.

¹ Л. Н. Толстой, т. 56, стр. 6.

² Толстовский музей, т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, изд. Общ. Толстовского музея, СПб., 1914, стр. 85.



Диван, на котором родился Л. Н. Толстой.

На стене, над диваном, висят семь снимков с картин художника Н. В. Орлова — сцены из народного быта. Они были близки Толстому, как глубоко правдивое изображение нищеты, темноты и бесправия современной ему крестьянской жизни. Он написал предисловие к их отдельному изданию, в котором говорит: «Мой любимый предмет... это русский народ — настоящий русский мужицкий народ...»¹. Альбом также хранится в кабинете.

На этой же стене, около двери в спальню, висит сделанный в 1903 году деревянный ковш с цепью. На ковше — надпись на татарском языке:

¹ «Русские мужики». Картины художника Н. Орлова с предисловием Л. Н. Толстого. СПб., изд. Голике и Вильборг, 1909, стр. 3.

«Господину графу Льву Николаевичу Толстому от Арслан Али Султанова».

По другую сторону двери находится полка, на ней в черном кожаном футляре полевой бинокль и маленькие костяные счеты отца Толстого. Обращает внимание находящееся здесь же собрание семейных миниатюр предков и родственников Толстого (Горчаковых, Трубецких, Волконских, Толстых), вставленных в настольные, четырехстворчатые ширмы. Ширмы эти были сделаны учителем старших детей Толстых, В. И. Алексеевым, а «портреты были врезаны в ширмочки по порядку, указанному Львом Николаевичем»¹.

Под полкой — фотографии В. Г. Черткова (1854—1936 гг.) — близкого друга, издателя и редактора произведений Толстого (вместе с племянником его жены, внуком писателя Ильей — сыном Андрея Львовича), фотопортреты единомышленников, друзей Толстого: П. И. Бирюкова (1860—1931 гг.) — первого биографа Толстого, И. И. Горбунова-Посадова (1864—1940 гг.) — редактора и издателя «Посредника», М. А. Шмидт (1843—1911 гг.) — преданного друга семьи Толстых и финского писателя, близкого по взглядам Толстому, Арвида Эрнефельта (1861—1933 гг.).

На наружной стене — фотопортрет Е. А. Олсуфьевой (1857—1898 гг.). Про нее Толстой писал жене в декабре 1885 года: «...Лиза эта такое милое, — простое, доброе, умное существо, что с ней хорошо быть Тане»².

Направо от двери из гостиной, над полкой с книгами для раздачи посетителям, висит большой портрет Чарльза Диккенса. Толстой всю жизнь любил этого писателя за демократизм и гуманизм его творчества. В 1861 г. в Лондоне он слушал лекции Диккенса о воспитании.

В оконном простенке справа висит фотография Эрнеста Кросби (1856—1906 гг.), американского поэта и публициста, близкого по взглядам Толстому, приезжавшего к нему в Ясную Поляну в 1894 г. и писавшего о нем.

Слева у окна — портрет американского общественного деятеля Уильяма Ллойда Гаррисона (1804—1879 гг.), много способствовавшего освобождению негров. Он проповедовал идеи непротивления злу за 50 лет

¹ В. И. Алексеев. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Летописи Гос. Литературного музея, кн. 12. М., 1948, стр. 285.

² Л. Н. Толстой, т. 83, стр. 554.



Письменный стол Л. Н. Толстого.

до Толстого и был противником всякого насилия. На портрете надпись: «Liberty for each, for all, and for ever! Wm Lloy et Garrison. Boston. Oct. 23 1873»¹.

Стена против письменного стола занята многочисленными и разнообразными по технике (акварель, дагерротип, фотография) портретами.

У двери (слева) висит овальная фотография 60-х годов польского революционера Иоахима Лелевеля (1786—1861 гг.), которого Толстой, по рекомендации А. И. Герцена, посетил в Брюсселе в 1861 году. Здесь же два прекрасной сохранности дагерротипа кн. Л. И. Волконской, рожденной Трузсон (1825—1890 гг.), и ее мужа, камер-юнкера А. А. Волкон-

¹ «Свобода каждому, всем и навсегда. У. Ллойд Гаррисон, Бостон, 23 окт. 1873».



Общий вид кабинета Л. Н. Толстого.

ского (1818—1865 гг.), которого Толстой изобразил в «Истории вчерашнего дня». На обороте первого дагерротипа, на наклеенной бумаге надпись рукой С. А. Толстой: «Маленькая княгиня в «Войне и мире».

В овальной черной рамке фотографии детей сестры Толстого — Марии Николаевны и ее же портрет в старости монахиней, а рядом большой портрет брата, Сергея Николаевича, снятый за два года до его смерти. «...Сережей восхищался,— писал Толстой,— как чем-то совсем мне чуждым, непонятным. Это была жизнь человеческая, очень красивая, но совершенно непонятная для меня, таинственная и потому особенно привлекательная. На днях он умер, и в предсмертной болезни и умирая он был так же непостижим мне и так же дорог, как и в давнишние времена детства»¹.

¹ Л. Н. Толстой, т. 34, стр. 387—388.

Здесь же два акварельных портрета отца Толстого Николая Ильича — в черном вицмундире с красным воротником и в коричневом казакине.

Старинная фотография участника войны 1812—1814 гг., троюродного дяди Толстого, полковника Сергея Дмитриевича Горчакова (1794—1873 гг.), акварель работы Осокина (1836 г.), изображающая мужа тетки Толстого — полковника Владимира Ивановича Юшкова (1789—1869 гг.) в молодые годы, фотографии С. А. Толстой и Толстого с дочерьми Марией Львовной Оболенской и Александрой Львовной.

В этом кабинете, в окружении памятных вещей и дорогих лиц, Толстой провел последние часы перед уходом из Ясной Поляны в ночь на 28 октября 1910 г.

На круглом столе лежат два тома романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», изд. 1882 г. Первый том Толстой читал в последние дни перед отъездом из Ясной Поляны. Книга раскрыта на 359-й стр. первого тома, где имеется единственная собственноручная помета Толстого в тексте главы: «О аде и адском огне...» На полях поставлено НВ, отчеркнуто несколько строк. Уходя из кабинета, Толстой погасил свечи, стоявшие на письменном столе, и с тех пор они никогда никем больше не зажигались.

Вся обстановка кабинета и многочисленные мелочи сохранились во всей полноте до наших дней и производят неизгладимое впечатление. Кажется, будто бы Толстой только что покинул эту комнату.

СПАЛЬНЯ



рядом с кабинетом находится комната с двумя окнами, выходящими на верхний балкон, служившая Толстому спальней в 1862—1910 гг.

В этой же комнате ночью 28 октября 1910 года Толстой принял окончательное решение навсегда уехать из Ясной Поляны: «Лег в половине 12,— записывает он в дневнике.— Спал до 3-го часа. Проснулся и опять, как прежние ночи, услышал отворяние дверей и шаги. В прежние ночи я не смотрел на свою дверь, нынче взглянул и вижу в щелях яркий свет

в кабинете и шуршание. Это Софья Андреевна что-то разыскивает, вероятно, читает. Накануне она просила, требовала, чтоб я не запираю дверей... Опять шаги, осторожное отпирание двери и она проходит. Не знаю от чего, это вызвало во мне неудержимое отвращение, возмущение. Хотел заснуть, не могу, поворочался около часа, зажег свечу и сел. Отворяет дверь и входит Софья Андреевна, спрашивая о «здоровье» и удивляясь на свет у меня, который она видит у меня. Отвращение и возмущение растет, задыхаюсь, считаю пульс: 97. Не могу лежать и вдруг принимаю окончательное решение уехать. Пишу ей письмо, начинаю укладывать самое нужное, только бы уехать... Я дрожу при мысли, что она услышит...»¹.

В дневниках и письмах Л. Н. Толстого, начиная с 1882 года, имеется ряд записей, говорящих о стремлении покончить с барской жизнью и начать жить в условиях простой, естественной, трудовой жизни. Приведенная выше запись Толстого из «Дневника для одного себя» явилась лишь завершением давно решенного для него вопроса об уходе из Ясной Поляны.

В прощальном письме на имя жены он так объяснил причины ухода: «Отъезд мой огорчит тебя. Сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не могу поступить иначе. Положение мое в доме становится, стало невыносимым. Кроме всего другого, я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста — уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни...»².

Почти вся мебель в спальне некогда принадлежала отцу Толстого и «тетеньке» Т. А. Ергольской.

Налево от двери из кабинета стоит красного дерева бюро-шифоньерка отца. «Вот из этой самой шифоньерки,— вспоминал Толстой в 1902 году,— отец рассыпал золотые, а мы, дети, их собирали». Внутри шифоньерки хранится отцовская чернильница, белье и пр. Около печки стоит умывальник красного дерева, принадлежавший также отцу. По семейным преданиям, его возили в обозах русской армии во время заграничных походов Н. И. Толстого.

¹ Л. Н. Толстой, т. 58, стр. 123—124.

² Там же, т. 84, стр. 404.



Спальня Л. Н. Толстого.

Рядом с умывальником стоят два эмалированных ведра. Толстой, не считая возможным по своим убеждениям последних лет пользоваться трудом другого человека, сам убирал свою комнату, приносил в этих ведрах чистую и уносил грязную воду. Здесь же находятся и другие предметы, употреблявшиеся Толстым: гири, с которыми он занимался гимнастикой и в последние годы, хлыстик для верховой езды. Почти ежедневные прогулки верхом доставляли ему огромную радость как в молодые годы, так и в старости.

Незабываемый образ «лесного царя» Толстого, верхом на любимом Делире, пробирающегося в зарослях Засеки по узким тропинкам, дал Репин в своих воспоминаниях.

На вешалке, около двери на площадку, висит палка-стул — неизменный спутник Толстого во время его пеших прогулок. Пользуясь раскладным палкой-стулом, он мог отдыхать и записывать свои мысли, будучи один среди природы.

В комнате хранится одежда Толстого: пальто, шляпа, блузы, халат и другие вещи, которые он ежедневно употреблял в последние годы жизни в Ясной Поляне.

Против двери из кабинета, у выступа стены, стоит железная, окрашенная в коричневую краску кровать с двумя волосяными матрацами, так как Толстой не любил пружинных. Она покрыта вязаным одеялом с греческим узором работы С. А. Толстой.

На кровати лежит вышитая маленькая подушечка, на которой внизу черной шерстью вышито: «Одна из 700 Ш-х дур» (Шамординских дур). Это подарок сестры Толстого Марии Николаевны, которая была одной из 700 монахинь Шамординского женского монастыря. Надпись на подушечке является ответом Марии Николаевны на ироническое замечание Толстого об уставе монастырской жизни и характеризует дружеское отношение между братом и сестрой.

У кровати стоит простая тумбочка, принадлежавшая Т. А. Ергольской. На ней вязаная салфетка, круглые часы с подставкой, подарок сына Михаила Львовича, колокольчик, подсвечник со свечой, которая освещала комнату во время ухода Толстого из Ясной Поляны, спичечница, лекарства, картонная желтая коробочка, куда Толстой ставил на ночь самонипущую ручку и карандаши для записывания новых мыслей, которые возникали у него ночью.



Личные вещи Л. Н. Толстого.

В ящике тумбочки хранятся бинты, угольный порошок, тертый миндаль, лекарства и т. д.

Толстой, как известно, обладал колоссальной работоспособностью и даже во время тяжелой болезни в 1903 году, будучи в постели, продолжал работать над составлением книги «Мысли мудрых людей на каждый день» и диктовал «Воспоминания».

Около окон стоят старинные отцовские кресла с решетчатыми спинками, находившиеся раньше в кабинете Н. И. Толстого. На одном из них лежит вязаная куртка, хорошо известная по фотографиям Толстого, сделанным в последние годы его жизни.

Под зеркалом, висящим в простенке между окнами, стоит ломберный стол, на нем — металлические коробки с лекарствами и рецептами, узкая коробка с двумя электрическими карандашами с батарейками для записывания в темноте.

На стенах висят портреты близких Толстому лиц: портрет (увеличенный снимок с акварели неизвестного художника) отца «с приятным лицом и всегда грустными глазами», дочери М. Л. Толстой (масло, работы Т. Л. Сухотиной, 1890-е гг.). «Маша дочь, так хороша, — писал Толстой, — что постоянно сдерживаю себя, чтоб не слишком высоко ценить ее»¹.

Над постелью портрет другой дочери — Т. Л. Сухотиной (масло работы Ю. И. Игумновой, 1898 г.). «Смотрю на твой милый портрет над собой...» — писал Толстой дочери, а за три года до смерти записал в дневнике: «...приехала Таня. Очень радостно было с ней. Она мне очень дорога по сердцу и тем, что хороша»². На стене висят также два увеличенных фотопортрета С. А. Толстой, на одном из которых она изображена в 1860 г., а на другом — в 1884 г.

Спальня с момента ухода Толстого бережно сохранялась до октября 1941 г. в том виде, как он ее оставил. Фашисты, убегая из Ясной Поляны, развели в спальне костер из остатков мебели и соломы. Огнем были уничтожены половина пола, часть стены и потолка. В настоящее время комната полностью реставрирована.

¹ Л. Н. Толстой, т. 86, стр. 84.

² Там же, т. 56, стр. 203.

КОМНАТА С. А. ТОЛСТОЙ

С 1894 по 1897 г. в этой комнате жили дочери Толстых или приезжавшие близкие.

В дневнике С. А. Толстой 3 июля 1897 г. есть запись: «Перешла сегодня в комнату Маши из своей спальни...»¹. Поражает резкий контраст, который составляет эта комната с другими помещениями яснополянского дома. Тут сосредоточено большое количество разнообразных вещей и фотографий, свидетельствующих о вкусах ее владелицы и напоминающих, что здесь жила мать и бабушка многочисленных детей и внуков, хозяйка усадьбы.

«Работы у бабушки бывали всегда самые разнообразные, — вспоминает старшая внучка А. И. Толстая-Попова. — Она сама шила деду блузы, белье, метала, чинила и делала все просто, как будто незаметно для себя...

Она была всегда занята. Утром она записывала расходы, приводила в порядок вещи, мерила платья, которые постоянно шились и перешивались. Напившись кофе, она начинала играть гаммы, или бежала — про нее нельзя сказать, что она ходила — с масляными красками зарисовывать пруд, аллею, грибочки, травки, цветочки, дом, то она что-то писала, почти ежедневно делала записи в дневнике, то она приводила в порядок разбросанные книги... то приходили корректуры, и она с утра садилась в гостиной, рядом с кабинетом деда, и занималась»².

Стены комнаты почти сплошь увешаны многочисленными фотографиями детей, внуков, родственников и друзей Софьи Андреевны. Среди этих фотографий имеется ряд снимков, сделанных ею.

С. А. Толстая очень много занималась фотографией и оставила большое количество негативов и снимков. Часть этих снимков она включила в составленный ею большой альбом «Из жизни Л. Н. Толстого».

В комнате находится несколько портретов Л. Н. Толстого, снятых в различные годы его жизни. Здесь же висит ряд любительских этю-

¹ С. А. Толстая. Дневники. 1891—1897 гг. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1929, стр. 133.

² Анна Толстая-Попова. Мои воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. — Журн. «Красная новь», 1928, № 9, стр. 176.

дов работы С. А. Толстой, изображающих уголки яснополянской усадьбы, и натюрморты. Она в последние годы своей жизни увлекалась живописью.

Многочисленные предметы бытового обихода, большое количество фотографий, особенно детских лиц, снятых в различные годы, необыкновенно живо характеризуют Софью Андреевну, как заботливую и нежную мать. Она не только следила за воспитанием детей и внуков, но также постоянно шила им белье, штопала, чинила, вышивала и т. д.

Между окнами стоит небольшой письменный стол работы местного столяра. На столе среди многих предметов находятся два старинных хрустальных подсвечника, некогда принадлежавших матери Толстого, керосиновая лампа под абажуром, «первая лампа в доме,— как пишет С. А. Толстая,— привезенная мне Львом Николаевичем из Москвы»¹. За этим столом Софья Андреевна вела хозяйственные записи, проверяла счета, записывала расходы, составляла меню и т. д. Она вела и обширную переписку, как деловую (главным образом об издании сочинений Толстого), так и со своими родными, друзьями, знакомыми. Здесь же Софья Андреевна занималась литературным трудом. На протяжении многих лет она вела дневник, большая часть которого издана в советские годы в четырех томах, под редакцией ее сына Сергея Львовича Толстого. Кроме того, С. А. Толстой написано, но еще не опубликовано 8 томов мемуаров «Моя жизнь», «Ежедневники», автобиографические повести «По поводу «Крейцеровой сонаты» и «Песня без слов».

При жизни Софья Андреевна опубликовала ряд стихотворений в прозе, книгу рассказов для детей под названием «Куколки-скелетцы» и др. Известен также ряд ее общественных и литературных выступлений как при жизни мужа, так и после его смерти.

Перед письменным столом стоит рабочее кресло Толстого, известное по портрету Репина (1887 г.), находящемуся в Третьяковской галерее².

В простенке между окнами над письменным столом висит большой увеличенный фотопортрет младшего любимого сына Ивана, умершего в 1895 году от скарлатины. Смерть этого доброго одаренного ребенка была большим несчастьем для всей семьи. «Горе, постигшее нас, гораздо боль-

¹ С. А. Толстая. Опись 1918 г., лист 9, запись 6. Архив Музея-усадьбы Ясная Поляна.

² Это же кресло изображено на картине Репина «Толстой в своем яснополянском кабинете под сводами» (1891 г.), а также на фотографии 80-х годов «Комнаты для приезжающих» (Гос. музей Л. Н. Толстого, Москва).



Комната С. А. Толстой.

ше, чем можно себе представить,— писала С. А. Толстая.— Как ни беспредельна была наша любовь к Ванечке, но мы сами не сознавали, какое огромное место занял в жизни всей нашей семьи этот семилетний нежный, любящий мальчик»¹.

У окна, рядом с письменным столом, стоит старая швейная машина, о которой Софья Андреевна говорила: «Моей машине сорок пять лет. Это еще моей матери машина. Это машина — историческая. На ней все блузы Льва Николаевича шиты, все белье. Он не любил отдавать»².

Под иконой в углу находится старинное бюро-шифоньерка красного дерева, принадлежавшая Т. А. Ергольской. «...Я иначе вас себе не пред-

¹ Неопубликованное письмо С. А. Толстой Т. А. Кузминской, ГМТ, рукоп. отд., архив Т. А. Кузминской.

² Лев Николаевич Толстой. Юб. сборник. М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 253.

ставляю,— писал ей Толстой,— как в вашей маленькой комнате... за вашим любимым столиком, рядом с шифоньеркой, в которой все есть. Когда у нас нет, чего нам нужно, — мы с Николенькой говорим нет тетенькиной шифоньерки»¹.

Рядом стоит туалет, купленный братом Толстого — Сергеем Николаевичем ко дню приезда Софьи Андреевны в Ясную Поляну после свадьбы в 1862 году.

Стена над диваном увешана портретами семьи Толстых, Берсов и многочисленных друзей: А. А. Фета, Н. Н. Страхова, С. И. Танеева, Л. Д. и С. С. Урусовых, Н. Н. Ге, Ф. И. Маслова, М. А. Стаховича и других.

Кроме указанных вещей, в комнате находится кровать, купленная сыновьями для больной С. А. Толстой в 1906 году. Над кроватью висят фотографии умерших детей Толстых — Алексея, Ивана, Андрея Львовича, большой портрет Л. Н. Толстого (1910 г.), этюд могилы Алексея и Ивана на Никольском кладбище под Москвой работы художника Н. А. Касаткина².

Здесь же стоит тумбочка, шифоньер красного дерева, принадлежавший матери Софьи Андреевны, старинный рабочий столик-шкатулка, книжный шкаф, кресла и ряд других предметов.

Внутри шкафов, ящиков стола, шифоньеров, сундуков, корзин хранится большое количество различных предметов, рисунков, фотографий и т. д., имеющих отношение к семейно-бытовой обстановке Толстых, а также ряд других вещей, принадлежавших предыдущим поколениям семьи Толстых и Волконских, как, например, акварельные рисунки отца Толстого, тетки А. И. Остен-Сакен, брата Дмитрия Николаевича, старинные семейные иконы, вышивки, узоры, книги с автографами матери писателя, Т. А. Ергольской и многое другое.

Бережное отношение к семейным реликвиям также характеризует Софью Андреевну как хранительницу семейных традиций. Эта черта ее

¹ Л. Н. Толстой, т. 59, стр. 178. О шифоньерке см. письма С. А. Толстой Л. Н. Толстому от 17 и 19 октября 1885 года в кн.: С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. М.—Л., Academia, 1936, стр. 328—329.

² Об этюде работы Н. А. Касаткина см.: С. А. Толстая. Дневники. 1891—1897 гг. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1929, стр. 203.

характера сказывается и в ее тщательной, любовной работе по составлению описи вещей дома Толстого, которая до настоящего времени являлась основным руководством при составлении описей дома в музейный период.

В этой комнате С. А. Толстая пережила много тяжелых моментов своей жизни в связи с уходом и смертью Толстого и смертью некоторых ее взрослых детей. Вспоминая о муже, она глубоко раскаивалась, что в свое время не проявила по отношению к нему нужного понимания и, в связи с усиливавшейся с годами острой истерией, причиняла мужу тяжелые огорчения.

Всю сложность роли Софьи Андреевны как жены великого писателя хорошо понял А. М. Горький, который в своей статье, посвященной жене Толстого, писал: «Лев Толстой был самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия. Роль единственного интимного друга, жены, матери многочисленных детей и хозяйки дома Льва Толстого — роль, неоспоримо очень тяжелая и ответственная...»¹

О последних годах своей жизни Софья Андреевна рассказывала: «Моя одинокая жизнь в Ясной Поляне, и та энергия, которая тратилась раньше на жизнь, уходила и уходит теперь на то, чтоб достойно и покорно... нести свое... существование. Стараюсь заниматься только тем, что так или иначе касается памяти Льва Николаевича. Живу в Ясной Поляне, охраняя дом с той обстановкой, какая была при Льве Николаевиче, и его могилу»².

В этой комнате Софья Андреевна прожила до своей смерти и скончалась в возрасте 75 лет от воспаления легких 4 ноября 1919 г.

Отступая, фашисты устроили в этой комнате костер. Из оставшихся в ней двух шкафов, взломав замки, они похитили ряд предметов. После оккупации комната была приведена в тот вид, который она имела при жизни С. А. Толстой.

¹ М. Горький. Собр. соч., т. XXII. М.—Л., ОГИЗ, 1933, стр. 147.

² С. А. Толстая. Автобиография.— Журн. «Начало», 1921, № 1, стр. 168.

*«РЕМИНГТОННАЯ»,
ИЛИ
«СЕКРЕТАРСКАЯ»*



северной стороны дома во втором этаже расположены две смежные комнаты: «ремингтонная», или «секретарская», и библиотечная. Эти комнаты Толстой шутил называл «канцелярией».

«Секретарская» комната много раз меняла свое назначение. В 1862—1863 гг. здесь была комната Софьи Андреевны, с июня 1863 г. до 28 октября 1864 г. — детская и комната для няни, с конца 1864 г. до 1866 г. — кабинет, в котором Толстой работал над «Войной и миром», в семидесятые — девятисотые годы — детская, комната дочерей, комната для приезжающих близких. Здесь же жили и гувернантки. С 1907 года в ней стали жить и работать секретари писателя: Н. Н. Гусев (с сентября 1907 г. по день его ареста 4 августа 1909 г.) и В. Ф. Булгаков (1910 г.).

Летом, в жаркие дни, Толстой иногда уходил из своего кабинета, выходящего окнами на юг, и занимался в «секретарской» или библиотечной.

У окна на маленьком столике стоит пишущая машинка системы «Ремингтон», на которой здесь или в соседней комнате переписывались рукописи. В этих же комнатах размножались статьи, запрещенные царской цензурой. Сюда Толстой приносил из кабинета написанные произведения, исправлялись корректуры, писались ответы на письма, и все это здесь вновь переписывалось.

В «секретарской», а иногда и в зале, разбиралась многочисленная корреспонденция, связывавшая Ясную Поляну со всеми уголками мира.

«В половине 11-го привезли почту из Тулы. Два письма были с адресом «Толстову».

— Как только «Толстову», — сказал Л. Н., — с удовольствием смотрю. Красивым почерком на хорошей бумаге — неинтересное, скверный почерк, скверная бумага — от мужика и наверно интересно»¹.

Переписка Толстого была необыкновенно обширна, а содержание писем крайне разнообразно. Кроме писем его семейных, друзей, знакомых и деловых — по литературным делам, кто только не писал ему! Одни

¹ Д. М. Маковицкий. Яснополянские записки. — «Яснополянский сборник». Тула, 1955, стр. 308.



«Ремингтонная», или «секретарская», комната.

присылали свои сочинения — прозу или стихи — с просьбой дать о них отзыв или поместить куда-нибудь, другие просили совета по личным делам, кто, думая, что Толстой богат, просил прислать денег — на окончание образования, на лечение, покупку коровы, лошади, швейной машины и т. п. Были письма сочувственные, ругательные. Многие обращались с просьбами прислать автограф, фотографию и т. д.

На некоторые письма, получаемые в Ясной Поляне, отвечал сам Толстой, на другие — его дочери или секретари, а часть писем оставалась без ответа.

После смерти писателя в его архиве осталось около 50 тысяч писем к нему. Письма самого Толстого в полном 90-томном собрании его сочинений занимают более 30 томов¹.

Обстановка этой комнаты чрезвычайно скромна и носит следы большой работы, которая протекала в ней: диван, перед ним простой желтый с четырьмя ящиками стол, за которым раньше занимались дети Толстых, небольшой старинный полукруглый комод, венские стулья, два кресла; у двери столик, на нем копировальный пресс, при помощи которого в последние годы снимались копии с писем Толстого.

На стене около печи висит этюд (масло) работы Ю. И. Игумновой — изображение степной лошади Тарпана, на которой одно время ездил Толстой.

Над диваном — два пейзажа неизвестного художника (масло), копии с открыток, весьма низкого художественного достоинства, «Ночь» и «Весна» — подарок Толстому в день его 80-летнего юбилея от тульского самоварного фабриканта Баташова.

Здесь же около окна висит в большой дубовой раме гелиогравюра с картины Венцеслава Черного, изображающая «Сожжение Яна Гуса». К раме привинчена медная доска с гравированной надписью: «Великому русскому реформатору Льву Николаевичу Толстому. На память о дне сожжения чешского реформатора Яна Гуса 23-го июня (6/VII) 1415 года от Всеславянского общества «Славия» в Москве 23-го июня 1909 года».

¹ Начало издания относится к 1928 году, окончено в 1958 году. Худож. литература. (Юбилейное акад. собр. соч.).

БИБЛИОТЕЧНАЯ КОМНАТА

Рядом с «секретарской» находится светлая комната с большим итальянским

окном, которая до 1871 г. служила столовой. Существовавшая в 50—60-х годах дверь из нее в малую гостиную (теперешний кабинет Толстого) была заделана в начале 1872 г. Затем в этой комнате помещались: классная, комната гувернанток, детская, а с конца 90-х годов, после смерти Ивана, — библиотека, рабочая комната дочерей, секретарей, комната для приезжающих. Основную обстановку ее составляют девять шкафов, наполненных книгами. Они не исчерпывают всего состава ценнейшей яснополянской библиотеки, которая расположена по всему дому, но значительная часть ее хранится здесь.

Библиотека в целом имеет 10 247 названий и составляет более 22 000 печатных единиц. Сохраняется она в доме в 28 шкафах.

Начало библиотеке положено дедом писателя Н. С. Волконским и отцом Толстого Николаем Ильичом.

Состав ее чрезвычайно разнообразен. Выбор книг, покупавшихся и собиравшихся самим Толстым, определялся требованиями его творчества.

Здесь имеется большое количество книг по педагогическим вопросам, собиравшихся в 1850—1870 гг. при работе Толстого в школе и при создании «Азбуки» и «Книг для чтения». Много книг по истории наполеоновских войн, мемуаров и исторических исследований о движении декабристов, служивших материалом для «Войны и мира» и «Декабристов», книги для начатого Толстым романа из эпохи Петра I, книги о Кавказе — материал для повести «Хаджи-Мурат», книги по социально-экономическим вопросам, о государстве, о налоге на ренту и пр., книги философского и богословского содержания, по истории и философии искусства — материал для статьи «Что такое искусство?», памятники русского народного творчества, содержащие высоко ценившиеся Толстым былины, пословицы, поговорки. Народные пословицы и поговорки, лично записанные или взятые из сборников, вложены в уста Платона Каратаева в «Войне и мире», Акима во «Власти тьмы», мужиков в «Плодах просвещения» и героев многих рассказов. Наконец, в библиотеке хранятся сочинения русских и иностранных классиков, а также писателей, современных Толстому.

Особый отдел в личной библиотеке составляют периодические издания. К сожалению, комплекты журналов часто разрознены. Попадают нередко номера журналов, полученные в Ясной Поляне лишь потому, что они содержат статьи, имеющие то или другое отношение к Толстому. Особенно много газет и журналов за 1908 г. со статьями, посвященными 80-летию со дня рождения Толстого.

В яснополянской библиотеке имеются книги на русском, английском, французском, немецком, итальянском, шведском, японском, греческом, сербском, древнееврейском, испанском, датском и других языках.

Известно, что Толстой читал очень много и, по словам близких, поразительно долго сохранял прочитанное в памяти. Толстой в совершенстве владел французским, английским, немецким языками. В течение жизни он изучал ряд языков, как новых, так и древних, владея ими в разной степени: польский, чешский, болгарский, татарский, итальянский, арабский, голландский, латинский, греческий и древнееврейский. Последние он изучил во второй половине своей жизни. «Живу весь в Афинах.— По ночам во сне говорю по-гречески»¹,— пишет Толстой Фету в 1871 году, в пору своего увлечения «Илиадой» Гомера, а спустя двенадцать лет, в письме к В. И. Алексею сообщая: «Все это время я очень пристально занимался еврейским языком и выучил его почти, читаю уж и понимаю... Я очень многое узнал благодаря этим занятиям»².

Многие книги имеют автографы известных русских и иностранных писателей, художников, композиторов, ученых: С. Аксакова, Фета, Полонского, Страхова, Данилевского, Стасова, Короленко, Горького, Танеева, Жемчужникова, Поленова, Мечникова, Тимирязева, Бунина, Андреева, Кони, Эртеля, Телешова, Серафимовича, Марсея Прево, Джона Голсуорси, Анатоля Франса, Ромена Роллана, Бернарда Шоу, Морозова, Бальмонта, Мирры Лохвицкой, Игоря Северянина и многих других.

Автографы иногда выходят за границы общепринятых трафаретов и позволяют до некоторой степени судить об отношении их авторов к Толстому. Вот некоторые из них:

¹ Л. Н. Толстой, т. 61, стр. 249.

² Там же, т. 63, стр. 106.



*Библиотечная комната после разгрома и поджога
фашистами. Фотография 1941 г.*

1) В. А. Гиляровский. Были 1883—1908. М., 1909.

*Здесь все: тревоги и мечтанья,
Порывы славных бурных дней,
Народа горькие страданья,
И беды юности моей.*

В. Гиляровский

На шмуцтитуле надпись: «Дорогой Лев Николаевич! 28 августа³ я хотел Вам послать телеграмму — и не послал. Сел писать Вам письмо: вышел рассказ «Песня». 30 августа я напечатал ее в Рус. Слове, а в октябре закончил им эту мою книжку «Были». Были у меня хорошие минуты, когда я бывал у Вас в Москве, когда ходил с Вами на Чеховский вечер, когда... И много этих незабываемых когда... И в память этого примите мои «Были». Это кусочки моей жизни. Примите и все наилучшие мои к Вам чувства. Вл. Гиляровский 15 ноября 1908 г. Москва».

2) * Генри Лонгфелло. Песнь о Гайавате. Перевод И. А. Бунина. М., 1899. «Льву Николаевичу Толстому с чувством искренней любви и глубокого уважения. Ив. Бунин».

3) * Тибул. Элегии. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. «Пастырю Графу Льву Николаевичу Толстому, дар вечного ребенка Кунидона».

4) * Н. А. Морозов. На границе неведомого... М., 1910. «Глубокоуважаемому и дорогому Льву Николаевичу Толстому размышления одного узника Н. Морозова. 16 апреля, 1910».

5) * И. Северянин. Зарницы мысли... СПб., 1908. «Океану — капля. Льву Николаевичу Толстому. Игорь Северянин».

6) Н. А. Рубакин. Рассказы о великих событиях разных времен и народов. Великие войны и борьба с войной. СПб., 1909. «Долой войну и военищину! Глубокоуважаемому — дорогому Льву Николаевичу Толстому от Н. Рубакина».

7) * Овидий, Публий, Назон... в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887. «Графу Льву Николаевичу Толстому на память от первоначального его ценителя и почитателя старика переводчика».

Большое количество книг личной библиотеки Толстого хранит собственноручные его отметки.

³ 28 августа 1908 г. Л. Н. Толстому исполнилось 80 лет.

* Звездочкой отмечена первая публикация.

Особый интерес представляет сохранившийся первый том «Капитала» К. Маркса (в переводе В. Д. Любимова, 1898 г.) с отметками, сделанными Толстым на полях. Представляет большой интерес также запись на полях второго тома «Истории Отечественной войны» М. И. Богдановича — запись, целиком вошедшая в окончательный текст «Войны и мира».

По своему содержанию книги, которые читал Толстой с карандашом в руках, чрезвычайно разнообразны. Отметки в виде отчеркивания или подчеркивания входят в обычай у Толстого, вероятно, с конца 50-х годов. Эти отметки, главным образом карандашом, а иногда и чернилами, а также загнутые углы или черточки, сделанные ногтем на полях, не выражают впечатления от прочитанного, а лишь отмечают места, почему-то привлечшие внимание Толстого. Позднее появляются уже отметки, выражающие оценку и впечатления, похвалы или осуждения условными буквами, словами, вопросительными знаками, а примерно с конца 90-х годов — баллами от нуля до пятерки с одним или несколькими плюсами. Часто между страницами попадаются сухие цветы, давно потерявшие аромат и краски, нередко встречаются и самые разнообразные закладки для памяти.

Яснополянская библиотека Толстого представляет огромную ценность. Она помогает проследить становление творческой мысли Толстого, наглядно раскрывает круг тем и вопросов, волновавших писателя и мыслителя на разных этапах его жизни и творчества.

Из других предметов, находящихся в этой комнате, можно отметить большой письменный стол, на котором стоит деревянный чернильный прибор с надписью: «Что написано пером, не рубить топором». Это подарок Толстому от яснополянского крестьянина Никиты Деева.

На одном из книжных шкафов стоит статуэтка работы И. Я. Гинцбурга (1896 г.) — гипс, изображающая В. В. Стасова в русской рубахе и высоких сапогах.

Во время гитлеровской оккупации эта комната пострадала больше всех. Здесь фашистами также был разложен костер. В огне погибли два, к счастью, пустых шкафа, полка, часть двери и почти весь пол. Все эти повреждения были устранены в мае 1942 г.

Из библиотечной комнаты дверь ведет на площадку, соединенную лестницей с передней.

«КОМНАТА МАКОВИЦКОГО»

Из передней дверь ведет в маленький коридор, заставленный книжными шкафами. Налево по коридору — бывшая буфетная, а направо — дверь в так называемую «комнату Маковицкого».

Назначение этой комнаты не раз изменялось. До пристройки 1871 г. она была перегороджена и здесь был подъезд к дому, передняя и комната для прислуги. В 1871 г. входная дверь была заделана и подъезд перенесен туда, где он находится в настоящее время.

В 80-е гг. здесь жили гувернеры, учителя детей. Она служила также комнатой для мальчиков — сыновей Толстого и для приезжающих.

С 1902 года здесь стали жить домашние врачи Д. В. Иикитин, Г. М. Беркенгейм и др., а с 1904 г. — Душан Петрович Маковицкий.

Обстановка комнаты чрезвычайно скромная: два простых шкафа, стол, стулья, складная кровать, ширмы, висячий шкафчик с медикаментами, полка для книг.

Эта же комната связана с отъездом Толстого. «...28 октября, — писал Д. П. Маковицкий, — утром в 3 часа, Лев Николаевич в халате, в туфлях на босые ноги, со свечой разбудил меня, лицо страдающее, взволнованное и решительное, сказал мне: — Я решил уехать. Вы поедете со мной. Я пойду наверх, и вы приходите, только не разбудите Софью Андреевну. Вещей много не будем брать, самое нужное»¹.

«КОМНАТА ПОД СВОДАМИ»

Двойная дверь из «комнаты Маковицкого» ведет в «комнату под сводами».

Во времена Волконского и, быть может, в детские годы Толстого здесь была кладовая.

В крепкие сводчатые «полуторааршинные» потолки вделаны массивные железные кольца для подвешивания окороков и других предметов. Окна были забраны чугунными решетками, остатки которых сохранились до настоящего времени. В конце 1850-х гг. пол, сделанный из каменных

¹ Летописи Гос. Литературного музея. Л. Н. Толстой, кн. 2. М., 1938, стр. 451.

плит, был заменен дощатым. Комната эта, по свидетельству свояченицы Толстого и его старшего сына, много раз меняла свое назначение. «Она была столовой, детской и кабинетом...» Из многих лет, прожитых Толстым в яснополянском доме, он пользовался «комнатой под сводами» как своим рабочим кабинетом в общей сложности около двадцати лет.

С конца 1862 по 1864 гг. в «комнате под сводами» был кабинет Толстого. Здесь созрел план и написано начало «Войны и мира».

«Я никогда не чувствовал,— писал Толстой в октябре 1863 г.,— свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько способными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени.. Я теперь писатель всеми силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал»¹.

С 1864 до 80-х годов здесь была детская старших детей, а затем комната сыновей Толстых.

«Я все сижу внизу, тут мое царство, мои дети. Мои занятия и жизнь. Когда приду наверх, мне кажется, что я пришла в гости», — писала С. А. Толстая мужу 25 ноября 1864 г.²

С 1887 до 1902 года в этой комнате снова был кабинет Толстого и в нем, а отчасти в Москве, были написаны: «Царство божие внутри вас», «Отец Сергей», «Хозяин и работник», «Что такое искусство?», «Живой труп», «Воскресение», «Крейцера соната», «Молодой царь», «Хаджи-Мурат» и несколько статей и рассказов.

Эти годы, как и предыдущие (начало 80-х годов), Толстой по зимам проводит в Москве, но «ванна деревенской жизни» для него необходима.

Здесь, в Ясной Поляне, вдали от городской беспокойной жизни, «от мучительной суеты Москвы», Толстой соединяет напряженную творческую работу с тяжелым физическим трудом. Дневники, письма этих лет дают яркое представление об образе жизни Толстого, о его горячей любви к жизни, к труду, к народу, родной природе, о его глубоких симпатиях к нуждам и страданиям крестьянства и о все большей и большей неудовлетворенности барским укладом в яснополянской усадьбе.

¹ Л. Н. Толстой, т. 61, стр. 23—24.

² С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. М.—Л., Academia, 1936, стр. 29.



*Л. Н. Толстой в «комнате под сводами».
С картины И. Е. Репина. 1891 г. Масло.*

«Утро читал,— записывает в дневнике Толстой 10 августа 1889 г.— В обед поехал пахать и пахал до поздней ночи»¹.

«Ужасно хочется писать художественное, и не драматическое, а эпическое — продолжение Воскресения; крестьянская жизнь Нехлюдова. До умиления трогает природа: луга, леса — хлеба, пашни, покос...»², а в письме к В. Г. Черткову пишет: «Живу я нынешний год в деревне как-то невольно по-новому: встаю и ложусь рано, не пишу, но много работаю, то сапоги, то покос... У нас теперь много народа — мои дети и Кузминских, и часто я без ужаса не могу видеть эту безправственную праздность и обжирание... И я вижу и знаю весь труд сельский, который идет вокруг

¹ Л. Н. Толстой, т. 50—51, стр. 121.

² Там же, т. 54, стр. 27.

нас. А они едят, пачкают платья, белье и комнаты. Другие для них все делают, а они ни для кого, даже для себя — ничего»¹.

В 1891 году И. Е. Репин в этой комнате «работал без усталости» с натуры над своей картиной «Толстой в яснополянском кабинете под сводами», «часто ведя продолжительные беседы, — вспоминает С. А. Толстая, — с Львом Николаевичем об искусстве, религии и др.»

Скульптор И. Я. Гинцбург в статье «Как я работал в Ясной Поляне» рассказывает:

«Я послушался Илью Ефимовича и пошел за ним. Лев Николаевич уже сидел в своей комнате у окна и писал. Меня поразила обстановка, среди которой работал Лев Николаевич. Старинный подвал напоминал средневековую келью схимника. Сводчатый потолок, железные решетки в окнах, старинная мебель, кольца на потолке, коса, пила — все это имело какой-то таинственный вид. Сам Лев Николаевич в белой блузе, сидит, поджав ногу, на низком ящике, покрытом ковриком, напоминая какого-то сказочного волшебника. Он удивленно на нас посмотрел, когда мы вошли, и сказал: — работать пришли? Прекрасно. Так ли я сижу? Стали мы устраиваться. Я уселся возле Ильи Ефимовича, который уже кончил свою работу. Меня восхитила эта работа: обстановка комнаты, свет, падающий из окна, да и сама фигура Льва Николаевича написана с удивительной правдивостью и художественностью...»²

С 1902 года в «комнате под сводами» жили дочери Толстого.

Здесь 27 ноября 1906 г. на руках у отца умерла от крупозного воспаления легких «самая большая радость» Толстого, его дочь Мария Львовна. Она была наиболее близка ему, и с ее смертью Толстой «лишился... единственного источника тепла, которое под старость лет становилось для него все нужнее и нужнее»³.

В 1910 г. здесь жила младшая дочь Толстого Александра Львовна.

В ночь на 28 октября к ней постучался отец:

«— Кто тут?

— Это я, Лев Николаевич. Я сейчас уезжаю... совсем... Пойдемте, помогите мне уложиться.

¹ Л. Н. Толстой, т. 85, стр. 69.

² Цит. по кн.: И. Е. Репин и Л. Н. Толстой. Материалы, т. II. М.—Л., «Искусство», 1949, стр. 55—56.

³ И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., «Худож. лит.», 1969, стр. 236.

— Ты разве уезжаешь один? — со страхом спросила я.

— Нет, я беру с собой Душана Петровича.

Мы наскоро оделись и пошли наверх и стали помогать отцу укладываться. Сердце усиленно билось, руки дрожали, и я все делала не то, что нужно было, бралась не за то, спешила, роняла...

Я ждала его ухода, ждала каждый день, каждый час, но, тем не менее, когда он сказал: «Я уезжаю совсем», меня это поразило, как что-то новое, неожиданное. Я никогда не забуду его фигуру в дверях, в блузе, со свечой в руках, освещающей его светлое, прекрасное и вместе с тем полное решительности и твердости лицо»¹.

Из обстановки, находящейся в «комнате под сводами», необходимо отметить старинное длинное кресло с прямоугольной, слегка отогнутой назад спинкой и высокими локотниками. Кресло это, как писала Софья Андреевна, было ей памятно. Когда в августе 1862 г. она заезжала с матерью, братом и двумя сестрами в Ясную Поляну, Толстой принес разные вещи для почлега и своими руками постелил постель Софье Андреевне на продолговатом кресле в «комнате под сводами».

У левой стены стоит красного дерева старинный туалет с тремя зеркалами, принадлежавший тетке Толстого П. И. Юшковой. На письменном столе у окна (справа) находится шкатулка красного дерева с инкрустацией из черного дерева, в крышку которой врезан медный медальон с гравированной монограммой «А. Т.» и графской короной.

Шкатулка принадлежала двоюродной тетке Толстого А. А. Толстой и, по ее завещанию, была передана после смерти в Ясную Поляну, в семью Толстых.

На стене, около двери в «сундучную», висит портрет Л. Н. Толстого (итальянский карандаш) работы Ю. И. Игумновой (1902 г.), изображающий его с книгой в руках в больничном кресле в Гаспре. Об этом портрете зять Толстого М. С. Сухотин в своем дневнике пишет, что на нем Толстой «прекрасно схвачен и запечатлен».

На стене против окна — фотографии группы родных и близких вместе с Толстым в день его семидесятилетия 28 августа 1898 года в Ясной Поляне (снимок С. А. Толстой), а также фотография пяти сыновей Толстого (1903 г.), С. А. Толстой с тремя дочерьми (1903 г.) и другие.

¹ А. Л. Толстая. Об уходе и смерти Л. Н. Толстого. (Тула), 1928, стр. 3—4. (Труды Музея-усадыбы Ясная Поляна).



Уголок «комнаты под сводами».

«КОМНАТА ДЛЯ ПРИЕЗЖАЮЩИХ»



дностворчатая дверь из передней, расположенная против входной двери, ведет в «комнату для приез-

жающих». В семье Толстых она называлась также «нижней библиотекой», или «комнатой с бюстом». В ней два окна и дверь на каменную террасу без перил с южной стороны дома.

С конца 1871 года и до конца 80-х годов здесь был кабинет Толстого, здесь же ночевали его гости.

«Внизу, под залой, рядом с передней,— писал И. Л. Толстой,— папа устроил себе кабинет. В стене он велел сделать полукруглую нишу и в ней поместил мраморный бюст своего любимого покойного брата Николая.

Этот бюст сделан за границей с маски, и папа говорил нам, что он очень похож, потому что его делал хороший скульптор по указанию самого папа...»¹.

В период работы Толстого над «Азбукой» он в «новом кабинете» устраивает школу для крестьянских детей, в которой преподает сам и привлекает к этому делу домашних и даже старших детей.

«Мы вздумали после праздников устроить школу... — сообщает Софья Андреевна сестре 2 февраля 1872 г.,— приходит человек 35 детей, и мы их учим... Это очень трудно учить человек 10 вместе; но зато довольно весело и приятно. Мы учеников разделили, я взяла себе 8 девочек и 2 мальчика... Главное то побуждает учить грамоте, что это такая потребность и с таким удовольствием и охотой они учатся все»².

В этом кабинете с 1873 по 1877 гг. была написана «Анна Каренина». В XXVI главе 1-й части романа в описании кабинета Левина мы узнаем кабинет Толстого с рядом предметов, сохранившихся до настоящего времени: «Кабинет медленно осветился принесенною свечой. Выступили знакомые подробности: оленьи рога, полки с книгами, зеркало печи с отдушиком, который давно надо было починить, отцовский диван, большой

¹ И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., «Худож. лит.», 1969, стр. 55. Бюст Н. Н. Толстого, работы Геефса 1861 г. (мрамор). На срезе левого плеча врезанная надпись: «G-me Ceefs Statuaire du Roi, Bruxelles, 1861».

² П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. II. М., ГИЗ, 1923, стр. 53.



Комната для приезжающих.

стол, на столе открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь с его почерком».

Кроме «Азбуки» и «Анны Карениной», здесь и частью в Москве, где с 1881 г. Толстой проводил зимние месяцы, написаны многие произведения: отрывки незавершенных исторических романов из эпохи Петра I и декабристов, «Исповедь», «Так что же нам делать?», народные рассказы, «Власть тьмы», «О жизни», «Холстомер», «В чем моя вера?» и др.

В период, когда Л. Н. Толстой работал в этом кабинете, в его мирозерцании укрепился тот переворот, который начался значительно раньше и о котором он со свойственной ему искренностью писал в «Исповеди»: «..со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеря-

ла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусства,— все это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысла в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единственным настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его»¹.

Мучительные поиски правды жизни, моменты сомнений и острой тоски в 70-х гг. приводили Толстого даже к мысли о самоубийстве, о чем он говорит в «Исповеди»: «И вот тогда я, счастливый человек, вынес из своей комнаты шнурок, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами, и перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком легким способом избавления себя от жизни»².

Комната разделена на две неравные части тонкой деревянной перегородкой, сделанной в 1905 году. До этого она была перегороджена книжными шкапами и положенными на них деревянными брусками.

А. Ф. Кони в своих воспоминаниях о посещении Ясной Поляны в 1887 г. пишет: «Лев Николаевич сказал мне, что я помещен на жительство в его рабочей комнате внизу, и пошел меня туда проводить. Это была обширная комната..., разделенная невысокой перегородкой на две неравные части. В первой большей, с выходом на маленькую террасу и в сад, стояли шкафы с книгами... Тут же, у стены, в ящике лежали орудия и материалы сапожного мастерства. В меньшей части комнаты находился большой письменный стол... У полка с книгами в этой части комнаты для меня была поставлена кровать. Здесь в течение дня работал Лев Николаевич. Приведя меня в эту комнату, он над чем-то копошился в большей ее части, покуда я разделся и лег, а затем вошел ко мне проститься. Но тут между нами началась одна из тех типических русских бесед, которые с особенной любовью ведутся в передней при уходе или на краешке постели. Так поступил и Толстой. Сел на краешек, начал душевный разговор и обдал меня сиянием своей душевной силы»³.

Обстановка комнаты того времени, когда в ней был рабочий кабинет

¹ Л. Н. Толстой, т. 23, стр. 40.

² Там же, стр. 12.

³ А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. 1. СПб., 1913, стр. 13—14.

Толстого, подробно описана Г. П. Данилевским, посетившим Ясную Поляну в 1885 году¹.

В этой комнате И. Е. Репин написал в августе 1887 г. первый портрет с Толстого, за письменным столом, на фоне стенного книжного шкафа. Портрет был подарен художником С. А. Толстой и поныне находится в зале Дома-музея.

Здесь Толстой беседовал с многочисленными посетителями Ясной Поляны, в том числе с В. М. Гаршиным. Вспоминая это посещение в 1880 году, И. Л. Толстой писал: «Перед нами сидел умный и милый собеседник, ярко и правдиво рисовавший нам картины пережитых ужасов войны, и рассказы его были так увлекательны, что мы весь вечер просидели с ним, не отрывая от него глаз и слушая»².

Осенью 1898 года здесь работал Л. О. Пастернак над известными иллюстрациями к роману «Воскресение». По мере того как Толстой заканчивал одну главу за другой, Пастернак, знакомясь с содержанием главы, делал к ней наброски будущих иллюстраций. В своих воспоминаниях «Как создавалось «Воскресение» художник пишет: «...величайшим счастьем и незабываемым переживанием моей жизни было для меня то, что мне довелось одновременно и почти совместно с ним (Толстым.— Н. П.) работать, когда он писал «Воскресение», а я тут же иллюстрировал его... Дни проходили у меня за чтением рукописи и за моими заметками... Толстой как-то особенно был со мной добр и ценил малейший мой набросок»³.

Со времени перевода кабинета в «комнату под сводами» и до 1910 г. здесь оставались «нижняя библиотека» и «комната для приезжающих». На скромной железной кровати, стоящей за перегородкой, ночевали многие из гостей яснополянского дома: И. С. Тургенев, А. А. Фет, Г. П. Данилевский, В. С. Соловьев, А. П. Чехов, И. Е. Репин, Н. Н. Страхов, В. В. Стасов, В. Г. Короленко, Вильям Брайан, М. В. Нестеров, Н. Н. Ге, С. С. Урусов, С. И. Танеев, Л. О. Пастернак, Л. Н. Андреев, И. И. Мечников и многие другие.

¹ Г. П. Данилевский. Поездка в Ясную Поляну.— Журн. «Исторический вестник», 1886, № 3, стр. 529—544.

² И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., «Худож. лит.», 1969, стр. 158.

³ «Литературное наследство», т. 37—38. М., АН СССР, 1939, стр. 514—518.

Из обстановки кабинета 70-х годов сохранились оленьи рога, стенной книжный шкаф, два кресла с решетчатыми спинками работы местного домашнего столяра, преддиванный четырехугольный стол. И. Я. Гинцбург в своей скульптуре изобразил в 1891 г. Толстого пишущим за этим столом. На стене висят портреты (тушь, итальянский карандаш) Татьяны Львовны и Софьи Андреевны. Об этом портрете жены Толстой писал ей в 1883 г.: «Портрет твой карандашом, кажется, плох, а я как взгляну на него, так ужасно живо вспоминаю, и что-то жалкое есть в нем, и что такое же показалось мне при прощании с тобой. И это меня очень трогает...

Неужели нельзя смириться. Как бы хорошо и тебе и вокруг тебя всем было. Я пишу это и представляю себе, как ты можешь рассердиться за это. Не сердись, голубчик; взглядывая на этот портрет, я знаю, как я тебя люблю и как ты пужна мне»¹.

На этой же стене висят: портрет Л. Н. Толстого, офорт работы М. И. Рундальцева, 1908 г., рисунок Л. О. Пастернака, 1901 г., «За лампой» (Толстой с женой и дочерью у круглого стола в зале), фотопортрет американского политического деятеля Вильяма Брайана (1860—1925 гг.), посетившего Толстого в начале декабря 1903 г. В темно-желтой раме ряд фотографических портретов Толстого и членов его семьи в Ясной Поляне, снятых и подаренных Д. А. Олсуфьевым в 1905 году.

В нише стоит мраморный бюст старшего брата Льва Николаевича Толстого — Николая Николаевича.

Перед этим бюстом, изголовьем к простенку, стоял гроб с телом Л. Н. Толстого, привезенный сюда 9 ноября 1910 года со станции Астапово. Тысячи людей, желавших отдать последний долг великому Толстому и проститься с его прахом, прошли тогда через эту комнату, входя из передней и выходя через открытую настежь стеклянную дверь на каменную террасу.

После прощания сыновья поднимают гроб и выносят из дома. Присутствующие опускаются на колени, а затем процессия с пеншем «вечной памяти» направляется в лес, через «Красный сад». К вечеру тело Толстого было погребено в «Старом Заказе», на краю оврага, там, где по детским рассказам брата Толстого Николая Николаевича якобы была зарыта

¹ Л. Н. Толстой, т. 83, стр. 405.



*Кабинет Л. Н. Толстого в Ясной Поляне
в 1871—1889 гг. Фотография М. А. Стаховича.
1887 г.*

«зеленая палочка». «...тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он (Н. Н. Толстой.— Н. П.) нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага «Старого Заказа», в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николенки закопать меня»¹.

Смерть Толстого вызвала отклики в России и во всем мире. В Астапово и Ясную Поляну приходили сотни телеграмм с выражением глубочайшей скорби. В ряде городов вспыхнули рабочие и студенческие демонстрации, которые подавлялись царским правительством. Горький писал:

«Умер Лев Толстой.

Получена телеграмма, и в ней обыкновеннейшими словами сказано — скончался.

Это ударило в сердце, заревел я от обиды и тоски, и вот теперь, в полоумном каком-то состоянии, представляю его себе, как знал, видел,— мучительно хочется говорить о нем. Представляю его в гробу,— лежит, точно гладкий камень на дне ручья... И руки, наконец, спокойно сложены — отработали урок свой каторжный...»²

В 1910 г. В. И. Ленин писал: «Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции...

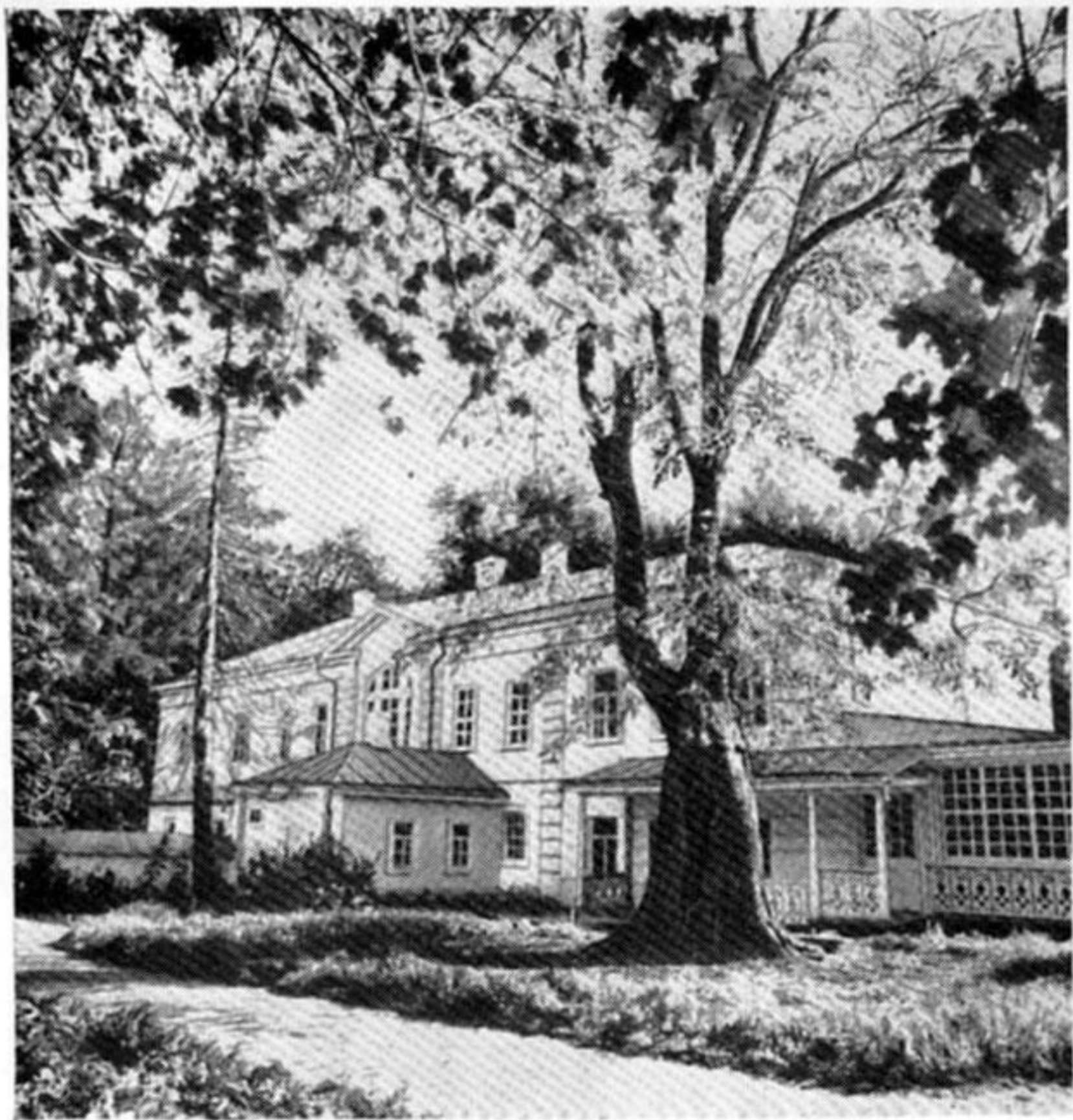
...Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот»³.

Пролетариат России в союзе с трудящимся крестьянством под руководством Коммунистической партии, созданной В. И. Лениным, совершили этот переворот, и с тех пор наследие великого писателя Л. Н. Толстого стало достоянием всех трудящихся.

¹ Л. Н. Толстой, т. 34, стр. 386.

² М. Горький. Собр. соч., т. XXII. М.—Л., ОГИЗ, 1933, стр. 74.

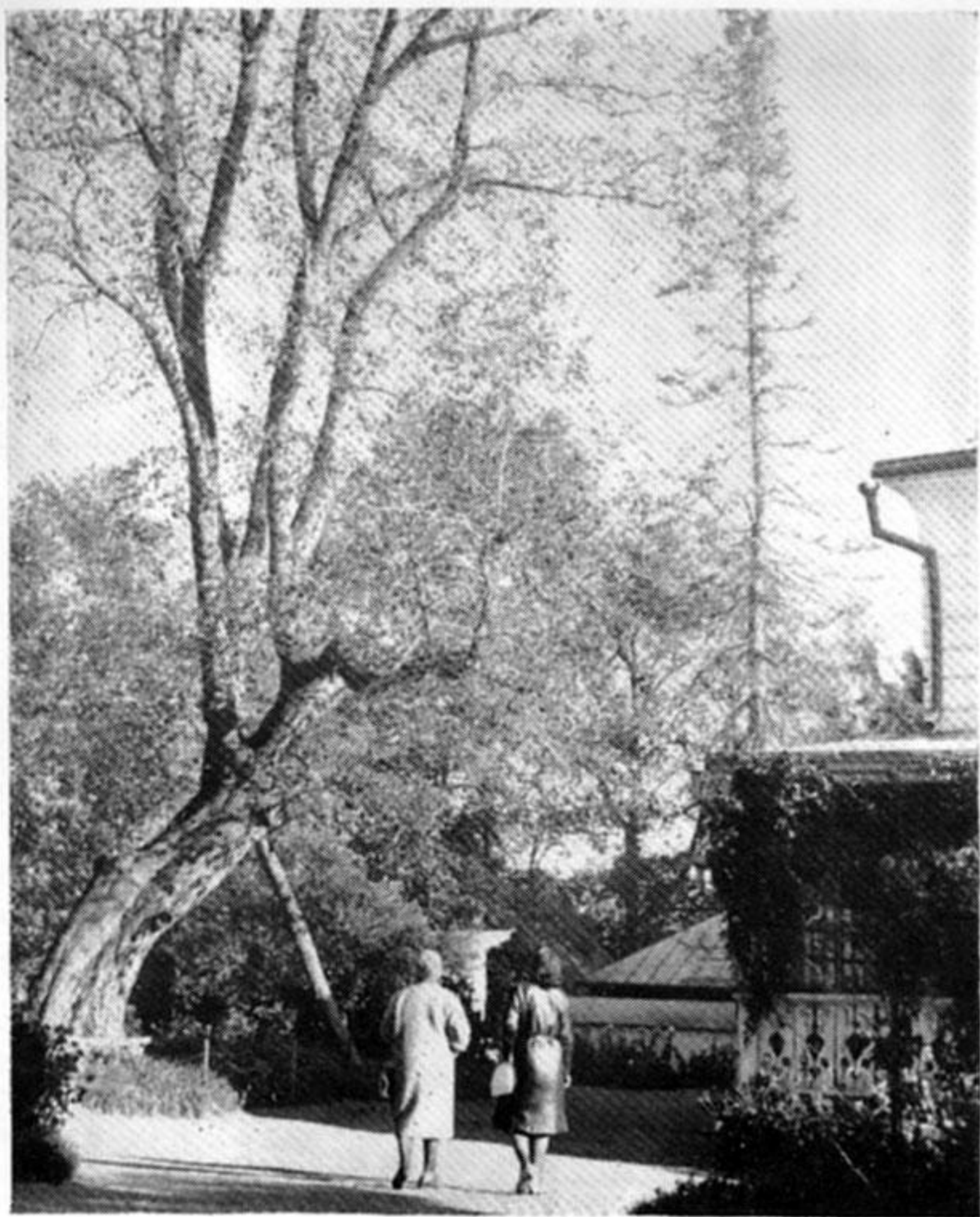
³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 19—20.



У Дома-музея Л. Н. Толстого.

Со всех концов необъятного Советского Союза и из-за границы в Ясную Поляну приезжают люди всех профессий для того, чтобы поклониться праху Л. Н. Толстого и ознакомиться с теми местами и обстановкой, в которой он жил и создавал свои гениальные произведения. Каждая комната, каждый предмет хранит память о замечательном художнике слова. Посетитель, уходя из музея, уносит незабываемое на всю жизнь впечатление простоты и величия.

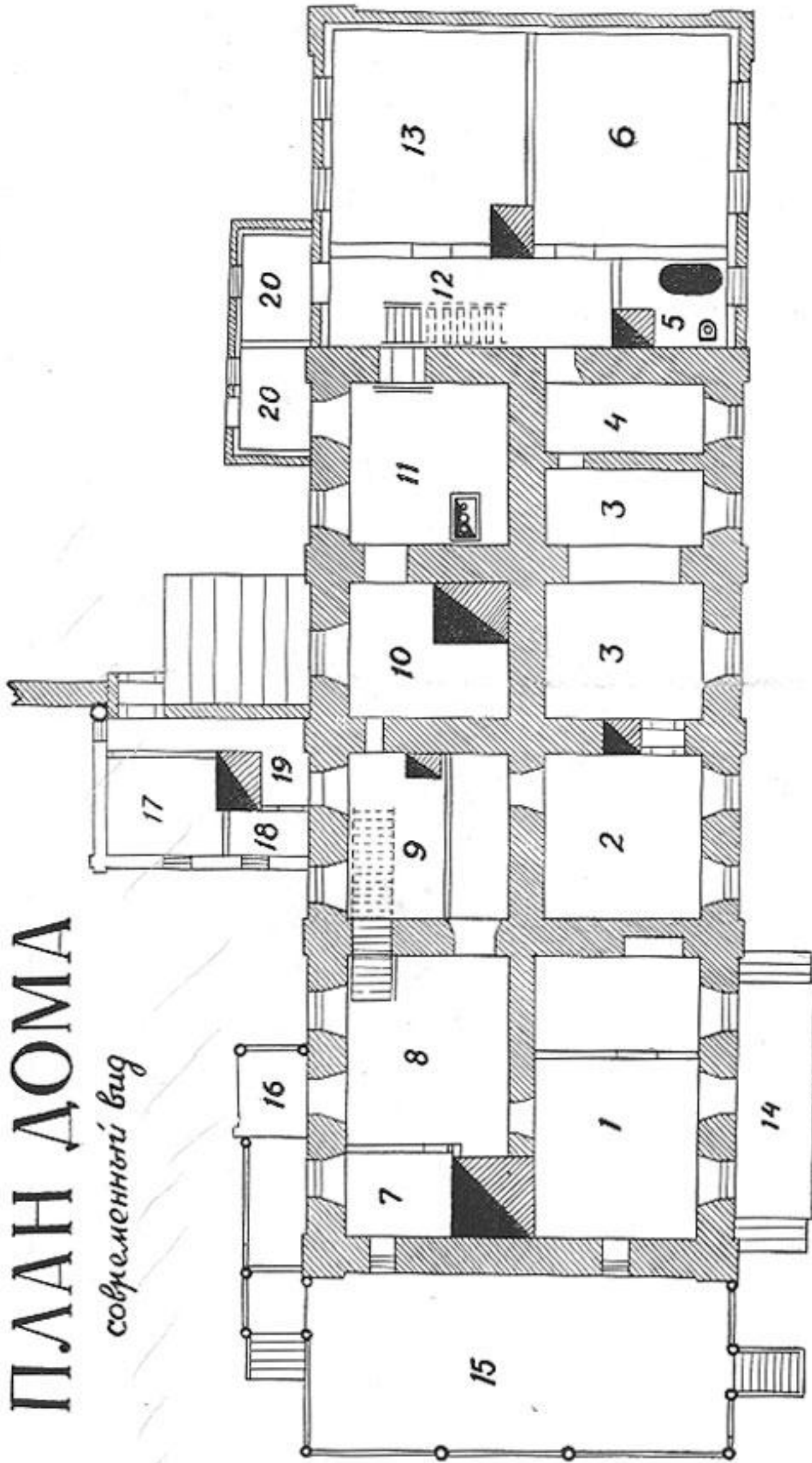
Мы гордимся тем, что великий русский народ дал миру такого гения, как Л. Н. Толстой, творения которого будут жить в веках.



Дерево бедных перед домом.

ПЛАН ДОМА

современный вид

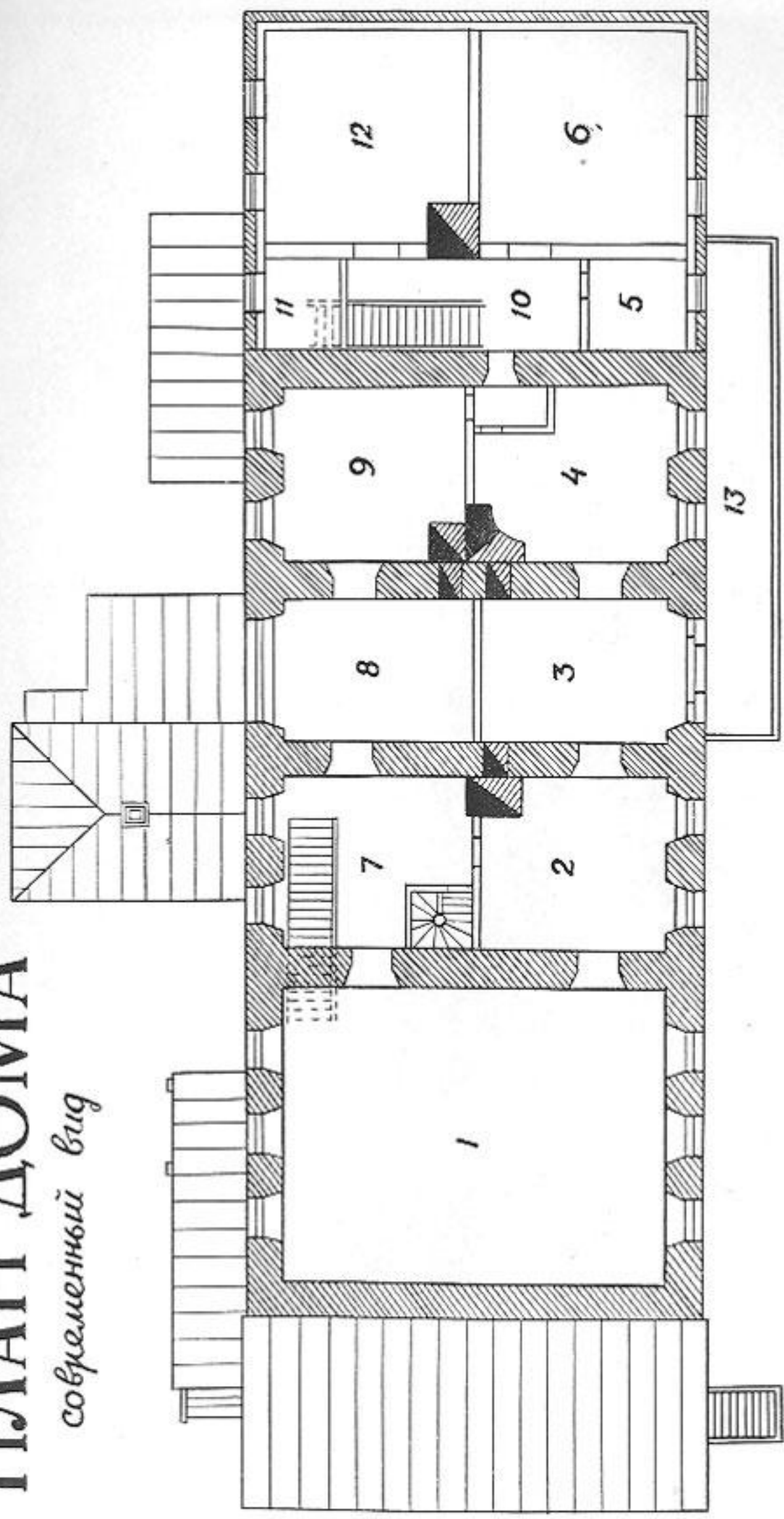


1^й этаж

- | | | |
|--------------------------------|-------------------------|----------------------|
| 1. Бывший кабинет и библиотека | 7. Комната для прислуги | 14. Каменная терраса |
| 2. Комната доктора | 8. Передняя | 15. Терраса |
| 3. Комната под сводами | 9. Буфет | 16. Крыльцо |
| 4. Сундучная | 10. Пригешная | 17. Кладовая |
| 5. Уборная | 11. Кухня | 18. Уборная |
| 6. Комната для приезжающих | 12. Лестница | 19. Коридор |
| | 13. Девичья | 20. Сени |

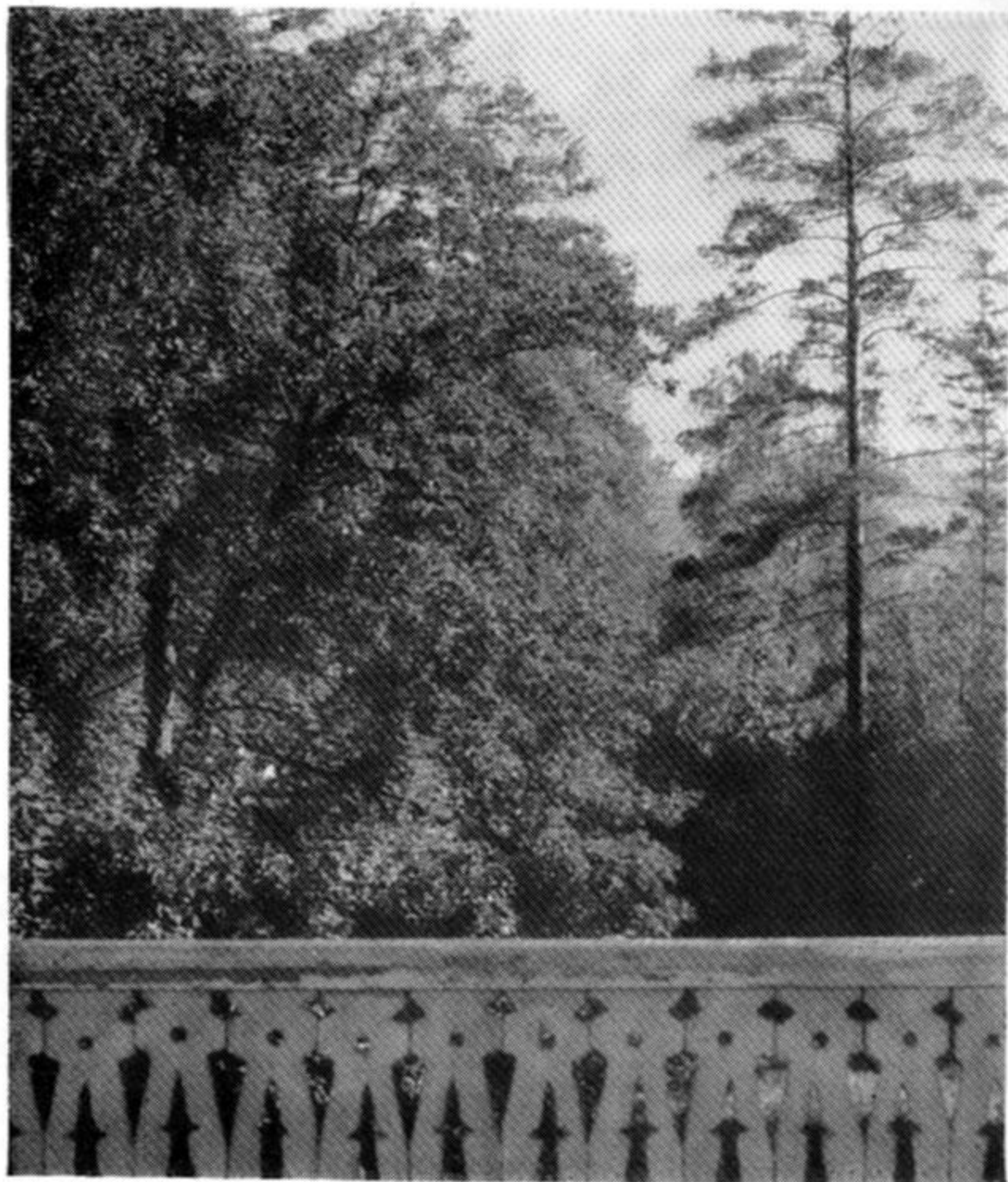
ПЛАН ДОМА

современный вид



2^й этаж

- | | |
|---------------------------|-----------------------------|
| 1. Зал | 8. Библиотека |
| 2. Гостиная | 9. «Ремизгонная» |
| 3. Кабинет | 10. Лестница |
| 4. Спальня Л. Н. Толстого | 11. Комната для приезжающих |
| 5. Чулан | 12. Комната для приезжающих |
| 6. Спальня С. А. Толстой | 13. Балкон |
| 7. Лестница | |



Вид из окна кабинета.

Николай Павлович Пузин

**ДОМ-МУЗЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ**

Очерк-путеводитель

Редактор *И. Миланова*

Оформление *А. Сорензон*

Техн. редактор *Т. Плахтий*

Корректор *Л. Конкина*

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Сдано в производство 18/VIII-1975 г. Подпи-
сано в печать 22/IX-1976 г. А11724. Формат
издания 70×108¹/₃₂. ИЗО-57. Физ. печ. л. 3,0.
Уч.-изд. л. 5,02. Усл. печ. л. 4,20. Тираж
50 000 экз. Бум. мелован. Цена 52 коп.
Зак. № 446.

Д $\frac{80200-359}{M-105(03)76}$ без объявл.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпро-
ма Государственного комитета Совета Мини-
стров РСФСР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли, г. Электросталь
Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.